

ЗВЕЗДНАЯ НОЧЬ, ЗВЕЗДНОЕ МОРЕ

那片
星空，
那片
海

ТУН ХУА
桐华

18+

Земля Легенд. Мифы Азии

Тун Хуа

Звездная ночь, звездное море

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кит)-44

Хуа Т.

Звездная ночь, звездное море / Т. Хуа — «Издательство АСТ»,
2015 — (Земля Легенд. Мифы Азии)

ISBN 978-5-17-147774-5

Шэнь Ло в последнее время будто преследует злой рок, неприятности постоянно валятся на нее. Но настоящим ударом стала смерть любимого дедушки. И вот ей приходится вернуться в родные края. На следующий день после похорон на пороге дома Шэнь Ло увидела мужчину, потерявшего сознание. Она помогает ему прийти в чувство и позволяет остаться на какое-то время. Таинственный незнакомец оказывается морским божеством — тритоном. Обладая необыкновенными способностями, он защищает Шэнь Ло от грабителей. Постепенно между ними возникают чувства... Так думает девушка, а у загадочного тритона между тем все меньше времени, чтобы отыскать украденную жемчужину души. Какую историю скрывает прекрасное морское божество? И какова истинная роль Шэнь Ло в его идеальном плане?

УДК 821.531-31

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-147774-5

© Хуа Т., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Незнакомец падает в обморок во дворе чужого дома	7
Глава 2. Прекрасный принц с фарфоровой кожей	18
Глава 3. Зеленые сливы и бамбуковые лошадки[11]	28
Глава 4. Смятение	39
Глава 5. Когда в кого-то влюблен	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Тун Хуа

Звездная ночь, звездное море

##

Tong Hua

####, ###

The Starry Night, The Starry Sea

© 2015, Tong Hua

© Сафронова Д., Чаликова М., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

В свете луны Смерть взмахнула косой, готовясь забрать очередную жизнь.

– Как я могу избежать смерти? – спросил мужчина.

– Разыщи девушку, которая будет готова отдать свою жизнь и душу ради тебя. Тогда спасешься, – ответила костлявая.

– Как я смогу убедить человека, у которого все впереди, пойти на такое?

– Завоюй ее сердце и заставь полюбить тебя.

– Как же мне это сделать?

– Очень просто, – улыбнулась Смерть. – Взамен ее сердца отдай ей свое.

Глава 1. Незнакомец падает в обморок во дворе чужого дома

Он впился в меня взглядом, словно тигр. На его лице не отражалось никаких эмоций, а глаза были как у хищного зверя, что выслеживает свою жертву перед тем, как убить.

Первые лучики солнца пробивались сквозь густые кроны плюмерии¹, попадая в окно моей спальни, и через тонкую щелку в шторах падали мне на лицо. Это разбудило меня.

Окна были ночью открыты, и шторы плавно колыхались от прохладного бриза. Легкий запах морского воздуха щекотал ноздри. Зажмурив глаза, я уткнулась лицом в подушку и никак не могла решить, то ли еще поспать, то ли немного понежиться в кровати, а потом уже встать и пойти завтракать кашей с морепродуктами по дедушкиному рецепту.

Стоило подумать об этом, как в голове возникла другая картина: мы с папой и младшим братом, одетые во все черное и с белой шелковой повязкой на лбу², стоим на носу парома и развеиваем дедушкин прах над морем. Пенистые волны громко бьются о корму, вздымаясь все выше и выше, словно провожая дедушку в последний путь.

От страха я открыла глаза и поняла, что это всего лишь воспоминания. Просыпаться не хотелось, ведь в моем сегодняшнем сне дедушка был еще жив, но, увы, мне это только пригрезилось.

Однако мысль о том, что моя мачеха хоть и плохо ориентируется на кухне, но непременно захочет избавиться от старой дедушкиной посуды, быстро привела меня в чувство. Я села в кровати. Будильник на столе показывал почти шесть. В доме было тихо, все еще спали.

За эти несколько дней мы сильно вымотались из-за похорон дедушки. Отец и мачеха – типичные жители мегаполиса: поздно ложатся, поздно встают. И наверняка проснутся сегодня не раньше девяти.

Приняв душ и почистив зубы, я на цыпочках спустилась на кухню сварить кашу с морскими гребешками. Настроения стоять у плиты не было, так что я просто бросила в кастрюлю с водой сушеных морепродуктов, решив, что особой разницы нет.

Затем вышла из кухни во внутренний двор дома и, стоя в саду, неосознанно начала искать глазами силуэт дедушки среди густых деревьев и кустарников. По утрам он всегда первым делом выходил поработать в саду.

У забора круглый год цветет иксора³, кусты которой усыпаны маленькими огненно-красными зонтиками. Эти растения согревают душу и радуют глаз. Они напоминают большой букет невесты. Каменные серые стены сада покрывают пестрые розовые лепестки бугенвиллеи⁴. Они гроздьями свисают с верхушки забора, добавляя красок хмурому рассвету. Под окнами гостиной пышно и ярко пылает педилантус⁵. А за окном рабочего кабинета по земле расстилается ковер из белоснежных и невероятно красивых цветов дицентры⁶ и апельсинового жасмина. И наконец, за углом кухни растет вековое дерево гинкго. Его ветви толщиной с хорошую бочку

¹ Плюмерия – род тропических деревьев семейства кутровых. Иногда его называют храмовым или могильным деревом. (Здесь и далее – прим. пер. и ред.)

² Черный костюм и белая повязка – традиционная китайская одежда для похорон.

³ Иксора – род тропических вечнозеленых кустарников семейства мареновых, цветки которых распускаются на концах ветвей.

⁴ Бугенвиллея – род вечнозеленых вьющихся кустарников семейства никтагиновых, имеющий мелкие пурпурные цветки.

⁵ Педилантус – суккулентные кустарники семейства молочайных.

⁶ Дицентра – травянистые растения из семейства маковых с цветками в форме сердечка.

покрыты густой зеленой кроной, под которой застенчиво укрылось лиственной маленькое деревце фебе⁷.

Такова типичная флора морских островов, поэтому все эти растения не столь ценны. Их можно встретить едва ли не в каждом доме, но те, что посадил и вырастил дедушка, красивее всех в округе.

В последние дни мне было не до сада, а больше никто не заботился о нем. Опавшие листья и лепестки увядали на земле. На глаза навернулись слезы, но я быстро смахнула их, взяла веник и начала мести двор.

Закончив, я решила убрать и у главных ворот. Когда открывала дверь, то вдруг увидела, как нечто идет в мою сторону. Я испугалась и отступила назад. Существо тем временем споткнулось и упало.

Присмотревшись повнимательнее, я поняла, что это человек, молодой мужчина. Он лежал с открытым ртом и не издавал ни звука. Похоже, потерял сознание. Волосы спутались и закрывали половину лица, которое выглядело тусклым и уставшим. Незнакомец казался невероятно истощенным.

Вдобавок на нем была странная одежда – черный морской китель, какие ни зимой, ни летом не снимают моряки, но под ним я не заметила рубашки. Еще на незнакомце были шорты, что обычно носят туристы: с узором в виде пальмы. Посмотрев на его ноги, я пришла в ужас: этот человек пришел без обуви!

Какое-то время я стояла как вкопанная и молча смотрела на него. А придя в себя, осторожно толкнула его и спросила:

– Эй, вы живы?

Ответа не последовало. Поскольку я совсем недавно похоронила дедушку, то знаю, как выглядит умерший человек. Кожа нежданного гостя не потеряла цвета. Значит, живой.

Тем не менее он был холодным как лед. Возможно, болен? У меня закрались сомнения: может быть, все не так и передо мной на самом деле лежит труп?.. Стараясь не дышать, я поднесла руку к его носу и, почувствовав едва уловимое дыхание, с облегчением вздохнула.

И все-таки я совсем растерялась: все это казалось очень странным, и было непонятно, как себя вести. Раз уж хотя бы стало ясно, что мне не подбросили труп, следовало решить, что делать дальше. Первое, что пришло в голову, – это выбежать за ворота и поискать его обувь. Однако ни у входа, ни где-нибудь в другом месте ее не оказалось.

Он и вправду пришел босиком! Мой взгляд сначала упал на старую, ухабистую дорогу, потом на его ноги, покрытые смесью грязи и крови. Осмотрев «гостя», я никаких серьезных травм не обнаружила, но было очевидно, что каждый шаг причинял ему невероятную боль.

Присев рядом с ним, я достала телефон. Одной рукой я набирала номер, другой пыталась привести незнакомца в чувство. Городок у нас маленький, поэтому нельзя полностью полагаться на то, что скорая помощь приедет по первому звонку. А если и удастся дозвониться, машина по здешним дорогам просто не проедет к дому, и все равно придется звать на помощь.

– Алло, доктор Цзян слушает, – раздалось в трубке. Едва я хотела ответить, как ощутила, что кто-то крепко вцепился мне в руку.

– Не нужно врача!

Еле шевеля губами, молодой человек медленно открыл глаза. В полном изумлении я посмотрела на него, как вдруг легкий порыв ветра сдул спутанные волосы с его лица. Наши взгляды встретились.

Почему-то мне стало жутко. Его темные глаза переливались темно-синим и фиолетовым цветами. В них читалось спокойствие и такая глубина, что казалось, будто я вижу звездное

⁷ Фебе – вечнозеленые кустарники или деревья семейства лавровых.

небо над морем в тихую летнюю ночь. Точно весь блеск звездного неба, все тайны Вселенной скрывались в этих глазах. И любой, кто заглянет, безвозвратно растворится в них.

Я так и сидела, не в силах оторвать взгляд. Опершись на руки, мужчина приподнялся и сел.

– Не нужно врача, – отрезал он.

Его взгляд по-прежнему завораживал, но той магии в нем уже не чувствовалось. Наверное, дело в ракурсе и все это было лишь чарующей игрой света.

Я колебалась, боясь сказать хоть слово.

– Хочу пить. Воды. Тогда мне станет легче.

Этот человек явно неместный: у него был странный акцент, так что я с трудом понимала его речь. Однако в голосе «гостя» не чувствовалось высокомерия, а сам он держался спокойно и говорил убедительно. В круговороте событий у меня совсем вылетело из головы, что впереди еще полно дел. Поэтому я решила мягко попрощаться с доктором: всему свое время и не стоит быть слишком навязчивой.

– Алло, не беспокойся, все в порядке. Набрала твой номер случайно. Мне еще много всего нужно сделать, так что поговорим в другой раз.

Я убрала телефон и помогла мужчине встать. И тут поняла, какой он высокий. Я и сама не маленькая: мой рост – один метр семьдесят три сантиметра. Вдобавок характер с детства задиристый, как у мальчишки, но рядом с этим мужчиной я вдруг ощутила себя хрупкой и нежной.

Мы пошли в сад. Я усадила его на плетеный стул, на котором раньше часто отдыхал дедушка, и сказала:

– Жди меня здесь.

Затем забежала на кухню, налила стакан воды и, немного подумав, положила ложку меда. Вернувшись обратно, протянула незнакомцу стакан. Он сделал глоток, но странный вкус воды насторожил его.

– Ты потерял сознание прямо у ворот. Не знаю, может быть, это какая-то болезнь. Подумала, что у тебя низкий сахар, и добавила немного меда.

Какое-то время мужчина обдумывал мои слова, но потом одним махом осушил стакан.

– Хочешь еще?

Он молча кивнул, и я сходила за новым стаканом. Видимо, его давно мучила жажда. Шесть раз мне пришлось бегать на кухню, и лишь на седьмой он наконец напился. Мужчина сидел со стаканом в руках, опустив глаза. Кроме просьбы не звать врача и принести воды, он больше не проронил ни слова и, казалось, мыслями был где-то далеко.

Луч света пробился через виноградные листья и упал на руки. Они буквально засверкали на солнце, тонкие и длинные, как у пианиста, резко отличаясь от грязных, израненных ног.

Разум твердил мне, что оставлять незнакомца дома небезопасно, и все же какое-то необъяснимое чувство внутри не позволяло прогнать его.

Я зашла на кухню, приблизилась к плите и подняла крышку кастрюли: каша была почти готова. Положив ее в тарелку, я добавила маринованную капусту и две половинки «столетнего яйца»⁸. После поставила все это на поднос и понесла ему.

– Съешь хотя бы немного. Тебе нужно набраться сил, а потом можешь уйти, если хочешь, – тактично сказала я.

Ответа не последовало. Некоторое время он не отводил глаз от еды. Наконец взял палочки, но руки не слушались и далеко не сразу подчинились его воле.

⁸ Столетнее яйцо – яйцо, которое несколько месяцев держали в специальной смеси без доступа к воздуху. Популярная закуска в Китае.

– Ешь спокойно и никуда не торопись. У меня еще есть дела по дому. Позови меня, если что-то понадобится.

Мне не хотелось смущать «гостя» своим присутствием, и я побыстрее нашла причину оставить его одного.

Я вошла в гостиную и, покопавшись в обувном шкафу, нашла пару старых мужских тапок. Размер тут неважен, поскольку это все-таки не уличная обувь. С тапочками в руках я вышла в сад и несколько раз промыла их под струей воды, после чего поставила высохнуть на солнце.

Мужчина все еще ел. Я взяла на кухне тряпку и стала прибирать в саду, исподтишка поглядывая на него. Когда дедушка был еще жив, летний плетеный стол и стулья обычно стояли на веранде или посреди сада. Мы всей семьей наслаждались прохладой, пили чай и любовались цветами – отдыхали душой и телом. Но когда он оказался прикован к постели, семья перестала собираться здесь. Плетеную мебель перенесли в дальний угол участка, где цвели дицентра и апельсиновый жасмин. За десять лет они сильно разрослись. В высоту жасмин стал с человека, а его ползучие ветви почти полностью закрыли собой куст дицентры. Его теперь почти не видно за россыпью мелких соцветий, хотя если хорошенько присмотреться, то через маленькие зазоры между листьями удастся разглядеть силуэт.

Тем временем я немного успокоилась. Люди на острове честные и открытые, поэтому серьезных преступлений не случается. Разве что мелкие кражи. Дедушка всегда с гордостью называл это место раем на земле. Говорил, что предпочел бы жить здесь отшельником в старом доме, чем с семьей моего отца в городе. Большую часть своей жизни я провела именно в городе и иногда очень жалею о своей привычке всегда быть начеку.

Откуда-то донесся голос мачехи, прервав мои размышления. Я тут же убрала тряпку.

– Шэнь Ло, ты чего так рано встала? – громко спросил Шэнь Янхуэй, выбежав из своей комнаты.

Это мой сводный младший брат. Единственный ребенок отца и его новой жены. Наивный и эгоистичный четырнадцатилетний подросток, у которого переходный возраст со всеми вытекающими последствиями. С ним сейчас непросто.

Я уже хотела ответить, но голос отца из ванной на втором этаже перебил меня:

– Шэнь Янхуэй, сколько раз тебе повторять? Называй ее сестрой!

Мачеха зашла на кухню.

– Доброе утро, Сяо-Ло⁹, – сказала она, улыбнувшись.

– Доброе утро, – улыбнулась я в ответ.

Ее девичья фамилия – Ян. Мне было десять, когда она вышла замуж за моего отца. Дети, пережившие развод родителей, взрослеют быстро. Вот и я сразу сообразила, что к чему.

С самого начала стало понятно, что эта женщина не планирует заменить мне мать. Поэтому я готова терпеть любые упреки отца, лишь бы не называть ее мамой. Так что обращаюсь к ней «тетя Ян». Она не возражает.

Тетя Ян похлопала Шэнь Янхуэя по спине.

– Иди умойся и почисти зубы, – поторопила она его.

– Хайшэн, проследи за ним. А то, как обычно, ничего не сделает, – крикнула тетя Ян отцу.

Я хотела сдержать смех, но не смогла. Прошло много лет, и сейчас мне уже двадцать пять. Та маленькая десятилетняя девочка давно выросла. А вот мачеха ни капли не изменилась: в присутствии отца не устает напоминать мне, что я не член семьи, что была и буду для нее чужой. Но мачеха забыла, что сейчас она не у себя дома, в шанхайской двухкомнатной квартире. Это дом моего дедушки. Я выросла в нем. Так что чужая здесь она.

⁹ Сяо (кит. 小) – префикс в китайском языке, означающий «младший». Придает уменьшительно-ласкательный оттенок обращению. Обычно так обращаются к младшим по возрасту, детям или близким.

Деревенские жители не столь привередливы: они не делают различий между кухней и столовой. Поэтому в большой и просторной кухне и готовят, и едят.

К тому моменту, как отец с братом умылись, я уже накрыла на стол.

– Сяо-Ло, спасибо, что все приготовила, – вежливо поблагодарила мачеха.

– Не за что. Я уже позавтракала, так что ешьте без меня. Приятного аппетита!

Отец смутился и хотел что-то сказать в ответ, но брат уже пододвинул к себе тарелку и взял ложку.

– Ешьте, – только и сказал отец.

Едва все уселись, в дверь постучали. Я уже собиралась пойти открыть, но Шэнь Янхуэй, словно заяц, шустро выбежал из-за стола. Отец забеспокоился и вышел за сыном, отложив палочки и отодвинув тарелку. По дороге он проворчал:

– Янхуэй, сколько раз тебе говорить? Прежде чем открывать, спроси, кто там. И только если знаешь человека, тогда впускай...

В дверях стоял безукоризненно одетый молодой человек в очках. На нем была белая рубашка в синюю полоску и классические брюки в европейском стиле. За внешней интеллигентностью скрывалась пронизательность. Было видно, что он не из этих мест. На мгновение отец перестал отчитывать сына и замолк.

Он с недоверием посмотрел на гостя:

– Вам кого?

Гость с дежурной улыбкой достал визитную карточку, протянул ее отцу и представился:

– Здравствуйте! Меня зовут Чжоу Бувэнь. Я адвокат и поверенный господина Шэнь. Пришел огласить завещание. Вы, наверное, его сын? Несколько дней назад мы с вами созванивались и договорились о встрече.

Папа с жаром пожал ему руку.

– Да, конечно. Проходите. Не ожидал, что вы прибудете так рано. Ждал вас ближе к полудню.

Паромы с материка на остров ходят по расписанию дважды в день: первый рейс отправляется в 07:30 и прибывает на остров в 11:30, второй рейс отправляется в 12:00 и прибывает в 16:00.

– Во избежание непредвиденных ситуаций, я прибыл на остров еще вчера в полдень, – ответил адвокат, улынувшись.

Мачеха уже не обращала никакого внимания на еду. С нескрываемым волнением она вышла из-за стола, но быстро взяла себя в руки.

– Сяо-Ло, пойдем вместе послушаем завещание, ведь оно касается и тебя, – наигранно заботливо произнесла женщина.

Отец учтиво пригласил адвоката пройти в гостиную, а мачеха кинулась разлить всем горячего чая. Я же не знала, куда деться, и просто стояла у двери.

Мужчины обменялись парой фраз. Когда господин Чжоу поставил чашку с чаем на стол, отец с мачехой поняли, что он собирается перейти к делу. В воздухе чувствовалось напряжение. Тетя Ян крепко обняла моего брата, словно хотела придать себе сил.

– Все знают, что после себя оставил господин Шэнь, – начал адвокат. – Поэтому процедура наследования и все формальности будут весьма простыми. Наследство состоит из двух частей: первая – данный дом с участком...

Мачеха внимательно слушала адвоката, оценивая взглядом дом. Тот и вправду был старым, но грамотная планировка, просторный двор и цветущий сад нравились даже таким привередливым людям, как она. Конечно, ей было жаль, что он построен не в Шанхае, а на далеком острове, куда непросто добраться и где большие проблемы с транспортом. Несмотря на то что за последние несколько лет здешние дома немного поднялись в цене благодаря туристам,

это не шло ни в какое сравнение с такими популярными туристическими городами, как Санья и Циндао. Туристы приезжали на остров отдохнуть, а вот оставаться жить они не хотели ни за какие деньги.

Подробно описав, что входит в пункт завещания о старом доме, адвокат добавил:

– Хотя недвижимость и находится в собственности, она не является муниципальной. Государство запрещает покупать или продавать землю, на которой стоит дом. Таким образом, если не собираетесь проживать здесь, вы вправе только сдать его в аренду. Но не продать.

– Мы же находимся на острове. Наш дом можно было бы сдавать в аренду как гостиницу с отдельными комнатами. Но он стоит в горах, далеко от моря, транспорт здесь почти не ходит. Если его нельзя продать, то кому сдавать-то? – перебила мачеха.

Мужчина вежливо улыбнулся, ничего не ответил.

– Помимо дома, – продолжил он, – у господина Шэнь осталась еще и некоторая сумма денег. Поскольку он не мог распоряжаться ей самостоятельно, то на сегодняшний день сумма в размере одного миллиона ста тысяч юаней находится на срочном депозите в двух разных банках: Сельскохозяйственной банке и Строительном банке Китая.

Было видно, что отец с мачехой готовы плясать от радости, но скрывали это за тенью улыбки. А вот Шэнь Янхуэй своих эмоций прятать не стал.

– Мама, ты оказалась права! Дед и вправду спрятал деньги! Не забудь, ты обещала мне, что как только вы закроете ипотеку, то на оставшееся купите машину и будете возить меня в школу! – восторженно кричал он.

Мачеха едва взглянула на меня. В ее глазах мелькнула паника.

– Не говори ерунды. С чего ты решил, что все эти деньги – твои? Может, ты и единственный внук, но это не значит, что дедушка завещал все тебе! Конечно, внуки есть внуки. Нужно распределить наследство правильно. Твой папа не может пока ничего обещать, – ответила мачеха.

Она легонько толкнула отца локтем. Тот сурово произнес:

– Все слушаем адвоката. Потом сам рассужу по справедливости.

Я стояла молча, опустил глаза. Но вовсе не из великодушия или смирения. В тот момент меня беспокоила мысль: а чего сам дедушка хотел перед смертью? И вдруг мне почудилось, будто он сидит в саду, в плетеном кресле, и внимательно слушает адвоката. Сколько себя помню, дедушка никогда не перекладывал хлопоты на своих детей, всегда брал любые заботы на себя, даже когда дело касалось собственных похорон.

Сердце в груди сжалось от боли, к глазам подступили слезы. Я испугалась, что вот-вот расплачусь, и прикусила губу.

Когда все успокоились, адвокат продолжил:

– Согласно завещанию господина Шэнь, все наследство состоит из двух частей: один миллион сто тысяч юаней на срочном депозите и дом со всем имуществом на улице Мацзу, 92. Все вышеизложенное делится между внучкой и внуком господина Шэнь...

При этих словах терпение мачехи лопнуло, и она со злости ударила кулаком по столу.

– Это несправедливо! Кому-то все деньги достались, а моему сыну – обветшалый дом, который никому не нужен. Даже если нам удастся его продать, мы выручим за него максимум двести тысяч юаней, – с неприкрытой злобой кричала мачеха. – Шэнь Хайшэн, ты должен немедленно вмешаться. Нужно обратиться в суд и поделить имущество в равных долях! Нигде не написано, что внучка имеет право получить больше, чем внук!

Адвокат невозмутимо смотрел на документ, будто пропустив ее слова мимо ушей, и твердо отметил:

– Господин Шэнь в своем завещании не указал, кому из внуков достанутся деньги, а кому – дом. Он предоставил им право выбирать самим.

На мгновение тетя Ян замерла на месте.

– Кто выбирает первым? – взволнованно спросила она.

– Господин Шэнь не оставил распоряжений на этот счет. Позвольте им решать.

Закончив, адвокат закрыл папку с завещанием, взял чашку и сделал большой глоток, посчитав, что ему не следует вмешиваться.

Мачеха пристально посмотрела на меня, все еще толкая отца в надежде вытащить из него хоть слово. В конце концов он все-таки вспомнил, что я тоже его ребенок, и робко спросил:

– Сяо-Ло, как ты считаешь, кто должен выбирать первым?

Мачеха что-то шепнула сыну на ухо, но тот, проигнорировав ее, без зазрения совести пробасил:

– Я первый!

Для себя я уже давно приняла решение, потому спокойно спросила мачеху:

– Тетя, а вы что думаете?

– Сяо-Ло, посуди сама: твой брат еще маленький, ему нужно учиться, потом искать работу, жениться. На это потребуется много денег, а ты уже окончила институт. Все эти годы твой дедушка содержал тебя, оплатил обучение, а на твоего брата не потратил ни юаня. Я считаю, что первым должен выбирать Янхуэй. Это разумно, – на одном дыхании оправдалась мачеха.

В душе я усмехнулась. Дедушка платил за меня вовсе не по моей просьбе. Я посмотрела на отца: он старательно отводил глаза. Спорить мне не хотелось.

– Хорошо, пусть Янхуэй выбирает первым.

Адвокат Чжоу поставил чашку на стол и взглянул на мальчика:

– Шэнь Янхуэй, что вы выбираете?

Ответить он не успел: тетя Ян заговорила раньше.

– Деньги. Деньги в банке на срочном счете.

Мальчик взглянул на свою мать, и ему ничего не оставалось, кроме как повторить ее слова:

– Деньги. Деньги в банке на срочном счете.

Услышав ответ, адвокат перевел на меня взгляд.

– Я выбираю дом.

Господин Чжоу достал из папки документы.

– В таком случае прошу вас ознакомиться с этим. Если не возникнет вопросов, то подписывайте. Мой помощник займется всем остальным.

Подождав, пока мы прочтем документ и поставим подписи, адвокат встал и пожал всем руки.

– Примите мои глубочайшие соболезнования.

Проводив его, отец закрыл входную дверь. Мачеха схватила бумаги и поднялась по лестнице на второй этаж.

– Я иду собирать вещи. Мы возвращаемся домой, – громко приказала она. – Паром на материк отходит в 12:30. Если получится купить билеты на самолет завтра утром, то к вечеру уже будем дома.

Шэнь Янхуэй обрадовался и, прыгая по ступенькам, громко закричал:

– Ура! Возвращаемся в Шанхай!

Поняв, что жена и сын не хотят задерживаться здесь ни на минуту, отец не стал их останавливать.

– Мне в компании дали отпуск только на десять дней. Я... я... Мне нужно вернуться на работу, – робко проговорил он.

Другого ответа ожидать и не стоило. Мой отец вовсе не плохой человек, просто временами кажется слабым и потерянным. А слабый человек заслуживает большего сострадания, чем плохой.

– Понятно. Спасибо, что приехал в этот раз, – спокойно ответила я.

Последние полгода рядом с бабушкой не было других людей, кроме меня, но папа все же провел с ним последние минуты его жизни. И после смерти бабушки взял все заботы о похоронах на себя.

– Сяо-Ло... ты, не поговорив со мной, бросила работу и вернулась сюда, чтобы заботиться о бабушке, – с дрожью в голосе начал отец. – Сейчас непросто найти работу, поэтому тебе нужно срочно...

– Пап, мама сказала, чтобы ты помог мне собрать чемодан, – прервал нас громкий голос Шэнь Янхуэя.

– Пойду наверх, помогу. А ты поскорее найди работу. Если затянешь с этим, тебя не возьмут ни в одну компанию.

Вслед за отцом я поднялась наверх, в свою комнату, положила копию завещания в ящик стола и закрыла на замок. Меня не покидало чувство, что я что-то забыла, но громкий голос мачехи не давал сосредоточиться.

Я решила отвлечься и полюбоваться пейзажем. Прочь все проблемы, пусть сначала уедут и оставят меня в покое! Из окна было видно, как покачиваются на ветру изумрудные ветви клеродендрума Томпсона¹⁰. На верхушке куста красовались едва распустившиеся белоснежные бутоны, другие цвели уже во всю силу.

Глядя на них, я едва заметно улыбнулась. В этом году у меня совсем не было времени ухаживать за садом, поэтому длинные, словно змеи, ветки клеродендрума почти залезали ко мне в окно. Вдруг меня осенило: в саду ведь остался тот молодой человек! Совсем вылетело из головы!

От злости я ударила себя по лбу. Как можно забыть, что в доме находится посторонний человек? Выглянув в окно, я увидела под кроной зеленых листьев и моря белых цветов черную фигуру. Человек сидел неподвижно: может быть, даже спал.

Я уже хотела окликнуть его, как вдруг вспомнила, что мачеха сейчас ходит по всему дому и собирает чемодан. Накалять атмосферу не хотелось. Однако, услышав движение сверху, незнакомец сам поднял голову. Он впился в меня взглядом, словно тигр. На его лице не отражалось никаких эмоций, а глаза были как у хищного зверя, что выслеживает свою жертву перед тем, как убить. Хотя я и понимала, что незнакомец не собирается нападать, но все равно испугалась.

Цветы клеродендрума плавно качались на ветру. Они завораживали, напоминая маленькие белые сердечки с красной капелькой посередине. Взгляд незваного гостя становился все мягче. Он слегка прищурился и мирно наблюдал, как ветер несет к нему цветы. Едва один оказался у лица незнакомца, мужчина аккуратно поймал его в воздухе.

Затем стал перебирать пальцами белые как снег лепестки, откинувшись на спинку стула. Раздвинув вьющиеся лозы кустарника, он украдкой посмотрел на меня. Сейчас мой «гость» уже больше напоминал обычного человека, а не кровожадного хищника. Но тот взгляд был настолько пугающим, что мне с трудом удалось прийти в себя. Так, надо полностью успокоиться. Вдох, выдох... В тот момент у меня даже ноги подкосились, так что пришлось вцепиться в подоконник, чтобы не упасть.

Что это было? Я проявила доброту, помогла ему, а он в ответ, как дикий зверь, глянул на меня так, что просто мороз по коже. Придя в себя, я принялась сверлить незнакомца глазами, желая показать, кто здесь хозяйка. Как вдруг за дверью послышался голос отца.

– Сяо-Ло, мы уезжаем!

¹⁰ Клеродендрум Томпсона – представитель семейства вербеновых из тропических лесов Африки. Декоративная лиана с цветами в виде белоснежной чашечки с контрастным алым венчиком.

Пришлось прерваться. Я быстро отошла от окна, открыла дверь и выбежала из комнаты.

Дедушка страдал ревматизмом. Стоило ему подняться по лестнице, как колени начинали болеть. Поэтому последние несколько лет он и работал, и спал в большой комнате на первом этаже дома.

– Янхуэй, поторопись! Будешь долго возиться – все билеты раскупят! – Мачеха уже вышла во двор с чемоданом в руках.

Я перепрыгнула через несколько ступенек и встала прямо перед дверью, преграждая им путь. Она разгадала мои намерения и резко спросила:

– Шэнь Ло, что это ты делаешь?

Отец озадаченно посмотрел на меня:

– Сяо-Ло, все в порядке?

– Сначала верните дедушкино зеркало.

– Какое еще зеркало? Зачем нам везти старое разбитое зеркало в Шанхай? Да тут, кроме рифов и рыболовных сачков, ничего нет, – закричал Шэнь Янхуэй.

– Это не просто разбитое зеркало, а зеркало времен династии Цинь. Очень ценное, иначе бы зачем тетя решила стащить его? Это подарок, который мать дедушки подарила моей бабушке на их свадьбу. Считается, что оно принадлежало еще моему прапрадеду. Помимо зеркала, был еще серебряный браслет и серебряная заколка для волос. К сожалению, заколка и браслет потерялись и осталось только это бронзовое зеркало.

Отец взглянул на чемодан, который его жена не выпускала из рук. Он все понял. Краснея и смущаясь, папа смотрел то на меня, то на жену, не зная, как поступить. Мачеха наконец поняла, что оправдываться нет смысла.

– Ну взяла. И что дальше? – гордо и без всякого раскаяния заявила она. – Это зеркало принадлежит семье Шэнь! Тебе и так достался целый дом. Я хотела взять его для Янхуэя в память о дедушке!

– Вы, кажется, забыли, что адвокат четко сказал: я наследую не только дом, но и все, что находится в нем.

Теперь понятно, почему дедушка сделал на этом акцент в своем завещании и потребовал, чтобы отец с мачехой непременно поставили свои подписи.

Спорить тетя Ян не стала, зато резко толкнула меня.

– Да, я забрала фамильное зеркало семьи Шэнь, чтобы отдать его родному внуку покойного деда! Иди, подавай на меня за это в суд!

Попытка вырвать у нее чемодан не увенчалась успехом: мачеха вцепилась в него мертвой хваткой. Мы начали драться и толкать друг друга. На ней были туфли на высоких каблуках, на мне – обувь на плоской подошве. Вдобавок я моложе, а значит, сильнее, поэтому мне удалось резко вырвать чемодан из ее рук. Тетя Ян потеряла равновесие, упала и закричала сквозь слезы:

– Хайшэн, только посмотри на свою дочь! Как она смеет поднимать руку на старших?

Поймав мой возмущенный взгляд, отец не осмелился ничего сказать и молча помог мачехе подняться.

– Зеркалами обычно пользуются девочки. Янхуэй – мальчик, поэтому оставь зеркало Сяо-Ло, – ответил он.

Тетя Ян была вне себя. Она плакала, ругалась и громко кричала:

– Что за чушь? Оставить в этом обшарпанном доме единственную дорогую вещь? Скажи ей, чтобы немедленно отдала зеркало. Дочь не смеет перечить отцу!

Только слушать их никто не собирался. Я поставила чемодан, открыла его и начала искать семейную реликвию.

Хлоп! Чья-то крепкая рука больно ударила меня по щеке. От удара я замерла и оторопело уставилась на Шэнь Янхуэя. В его годы сил у парня хоть отбавляй. Удар был такой мощный, что

в ушах зазвенело и у меня не сразу получилось встать. А когда мне наконец подняться, Шэнь Янхуэй оттолкнул меня и выхватил чемодан. Застегнув молнию, он крепко сжал его в руках.

Я всегда была начеку, ожидая чего угодно от отца и мачехи, но совсем забыла про еще одного человека из этой семейки. К своим четырнадцати братьям сильно вытянулся – на метр семьдесят. Лицо его хоть и сохраняло черты ребенка с искренней и неподдельной улыбкой, однако в минуты гнева становилось суровым, как у взрослого мужчины, готового ринуться в бой.

Шэнь Янхуэй злобно посмотрел на меня.

– Ты ударила мою мать, и я ударил тебя в ответ!

Тетя Ян тут же поднялась и позлорадствовала:

– Все возвращается бумерангом!

Она взяла сына за руку и потянула за собой к двери:

– Мы уходим!

Я из последних сил схватилась за чемодан, чтобы остановить их. Мачеха изо всей силы пнула меня каблуком в плечо. Боль была такой сильной, что руки разжались. Мне оставалось только беспомощно смотреть вслед этим двоим. Только отец наклонился и помог мне встать.

– Сяо-Ло, не принимай близко к сердцу. Янхуэй еще ребенок и многого не понимает. Отдай ему зеркало, он ведь внук семьи Шэнь. Ты же девочка, скоро выйдешь замуж и станешь частью другой семьи.

Я ничего не ответила, отчаянно борясь с болью. Отец знал, что его дочь с детства была не из робких и никогда не давала себя в обиду. Он приобнял меня за плечи.

– Сяо-Ло, понимаю, что тебя беспокоит, но не забывай: ты не единственный ребенок в семье Шэнь. Даю тебе слово, что Янхуэй будет беречь зеркало и никогда не продаст.

Несколько секунд я пристально смотрела в его глаза, которые были так похожи на дедушкины. В конце концов медленно кивнула.

Папа вздохнул с облегчением. Казалось, он хотел сказать что-то еще, но с улицы донесся крик мачехи:

– Хайшэн, или ты сейчас же идешь, или можешь оставаться здесь!

Второпях отец сунул мне в руки какой-то сверток.

– Мне пора. Если что-то случится – звони.

Не сказав больше ни слова, он спешно присоединился к мачехе и сыну. В одно мгновение в саду, где только что царил переполох, наступила полнейшая тишина. Я осталась одна.

Когда звон в ушах затих, я опустила голову и увидела в руке что-то красное. Присмотревшись, поняла, что это скрученные в трубочку деньги. От безысходности мне оставалось только рассмеяться. Что ж, если это папина любовь, то ее не так уж и много!

Мне двадцать пять лет, у меня есть высшее образование, а теперь и собственный дом. Я уже не та маленькая, беспомощная десятилетняя девочка и прекрасно смогу прожить без отца! Несмотря на все попытки убедить себя в этом, на душе все равно было горько и тяжело. Осознание, что рядом никого не осталось, причиняло жуткую боль.

Когда родители развелись, я знала, что у меня есть дедушка, мой самый близкий человек. А теперь он ушел, оставив меня совершенно одну. С этого дня я могу полагаться только на себя! Болит душа, страдает тело, но никому нет до этого дела.

Глядя на старый дедушкин дом, я с улыбкой выкинула отцовские деньги. Купюры закружились высоко в воздухе. Но сколько ни улыбайся, слезы сдержать не получалось.

Когда мне было семь лет и родители развелись, я знала, что слезами горю не поможешь, и не проронила ни единой. Однако сейчас меня как будто прорвало: боль, которая столько лет копилась внутри, превратилась в потоки нескончаемых слез.

Потеряв близкого человека, ты думаешь, что сможешь справиться, что это надо принять, быть сильным... Но ты не можешь не переживать, и в какой-то момент из-за пустяка что-то ломается внутри и тебя накрывает волна боли и печали.

Дедушка, дедушка...

Я тихо плакала, вытирая слезы и пытаюсь вновь улыбнуться. Никто больше не вытрет с моего лица эти капли отчаяния, никому не будет дела до моей боли. Все, что мне оставалось, – это принять боль с улыбкой на лице. Которая раз за разом размывалась горькими слезами.

Мне стало так плохо, что не было сил стоять. Я села, крепко стиснула зубы и обхватила колени, стараясь успокоиться и взять себя в руки. Взглянула на дом. Он теперь совсем пуст. Дедушка больше никогда не вернется сюда. Слезы ручьем текли по щекам и разбивались о землю, точно проливной дождь.

Я плакала, редела навзрыд и никак не могла остановиться. Внезапно цветы дицентры пронеслись прямо передо мной. Это было похоже на танец маленьких шутов, исполнявших воздушные трюки. Они тихо приземлялись мне на грудь.

На мгновение рыдания утихли, и я безучастно уставилась вдаль. Неожиданно у меня на ладони появился очаровательный букетик дицентры. Уже позабыв о своем горе, я хотела лишь получше рассмотреть его, как вдруг подумала: «Откуда взялись эти цветы?»

Я завертела головой, пытаюсь понять, кто мог их принести. Тот незнакомец в саду... Он все видел. Видел то, что никому не доводилось: мою слабость и уязвимость, мои страдания от боли. Мужчина молча сидел и смотрел. От смущения и злости все в моей голове смешалось, и я не могла сказать ни слова.

Нас разделяли лишь белоснежные цветы апельсинового жасмина. Мы смотрели друг на друга в полной тишине. Я резко встала, собираясь швырнуть в него букет, и... не смогла. В итоге развернулась и просто отнесла его в комнату, попутно покосившись на себя в зеркало.

В лице читалась растерянность, что еще больше смутило и разозлило меня. Опять захотелось выбросить этот букет. Но стоило взглянуть на цветы, такие прекрасные и хрупкие, как желание избавиться от них исчезло. Нечего чужому человеку расплачиваться за свои ошибки цветами из моего сада.

Я наспех умылась холодной водой и завязала резинкой распущенные волосы. В зеркало будто отразился совсем другой человек. Из комнаты я вышла насупившись. Пора серьезно поговорить с неожиданным гостем, упавшим в обморок у ворот моего дома.

Глава 2. Прекрасный принц с фарфоровой кожей

В лучах заходящего солнца стоял статный молодой мужчина. Он был одет в белую рубашку и черные брюки. Его облик напоминал одинокое дерево, омытое потоками света. Фарфоровая кожа подчеркивала его красоту – красоту настоящего принца из другого мира.

Был уже полдень, солнце сильно припекало. Только в тени забора в дальнем углу сада, куда лучи не доставали, еще сохранилась прохлада. Терпкий аромат цветов наполнял воздух. Неудивительно, что незнакомец не торопился уходить оттуда все утро.

– Ну что? Насмотрелся? Понравилось представление? – Уперев руки в боки, я сделала каменное лицо.

Он молчал.

– Зачем все это время прятался здесь и подслушивал? – В моем голосе появились гневные нотки.

– Не подслушивал. Но ты сказала мне оставаться здесь, и я не посмел ослушаться, – спокойно ответил мужчина.

Утром при встрече мне было сложно понять, что он говорит, но сейчас стало легче, хоть в его речи и оставалось нечто странное. Я усмехнулась в ответ.

– Никто не запрещал тебе просто уйти. Почему ты все еще здесь?

– Не было подходящего момента.

Такой ответ поставил меня в тупик. Все утро тут стояли крики, а этот человек уверяет, что возможности улизнуть не представилось.

– Зачем... ты бросил в меня букет? – вырвалось у меня.

– А разве ты не бросила мне букет в ответ?

Ну все! Хватит загадок! Я злобно уставилась на незнакомца. Он же хранил невозмутимость. В его глазах читалось безразличие. Со стороны мы наверняка напоминали столкновение льда и пламени.

Я не на шутку разозлилась и готова была вот-вот взорваться. Внезапно поднялся ветер. Опавшие лепестки закружились в воздухе, словно снежинки. Я непроизвольно прикрыла лицо рукой, вертя головой то вправо, то влево. Мужчина же не двинулся с места. Взгляд его был прикован к цветам, кружащимся в воздухе. Они пролетали мимо кончиков его ресниц и падали к ногам.

В свете дня и тени летящих лепестков взгляд незнакомца оставался хладнокровным и отрешенным: в нем не проглядывала ни радость, ни печаль. Это были глаза божества, который взирает на мир свысока. Однако в его напряженном лице мелькнула тень сожаления о былых мечтах.

Неожиданно для себя я поняла, что не могу ни пошевелиться, ни оторвать от него глаз. Казалось, время остановилось. Все вокруг затихло, а танцующие в воздухе цветы замерли. Заметив, что я смотрю на него, мужчина прищурился и уставился в ответ. Это отрезвило меня, и я быстро потупилась. Не знаю почему, но сердце мое сжалось, лицо залилось краской, былой гнев куда-то исчез.

Стоп! Стоп! Стоп! Почему проблемы в семье вообще должны затрагивать чужих людей?

– Ты можешь уйти сейчас. Момент как раз подходящий, – удрученно сказала я.

Незнакомец молча встал, обошел меня и направился к выходу. Я нагнулась, чтобы убрать за ним посуду, и увидела, что еда осталась нетронутой. Застыв от удивления, я повернулась как раз в тот момент, когда этот странный человек быстрым шагом двигался к воротам. На нем был все тот же странный костюм, на ногах остались следы крови, вот только его высокая, статная фигура никак не вязалась со всем этим.

– Эй, подожди!

Он обернулся, всем своим видом излучая невозмутимость.

– Тебе не понравилась еда? Неужели я так плохо готовлю?

Ответом мне был кивок.

Как же он меня бесит! Неблагодарный! Да разве можно так говорить тому, кто тебя приютил?! Я пожалела его, накормила, напоила, а в итоге... Надо было дать ему умереть с голоду!

Я с нескрываемым презрением указала на дверь:

– Уходи. Сейчас же!

Незнакомец повернулся и снова зашагал к выходу. Я не могла оторвать глаз от его босых ног. Ему ведь идти по неровной, усыпанной камнями дороге...

– Эй, стой!

Он остановился и все так же невозмутимо еще раз посмотрел на меня.

Я вышла в сад, взяла тапочки, которые оставляла там сушиться, и бросила ему под ноги.

– Вот старые шлепанцы. Надень их, если устраивают.

Мужчина взглянул на них и неожиданно попросил:

– Если можно, я бы хотел помыть ноги.

– Да... да, конечно. Иди за мной.

В углу дома, рядом с кухней, лежал пластиковый шланг. Мужчина поднял его и включил воду. То и дело оглядываясь по сторонам, я невольно наблюдала за ним.

– Можешь выключать, – немного погодя сказал он и дал мне шланг.

Я выключила воду и случайно заметила, что чистые ноги «гостя» теперь казались мертвенно-бледными, а кровавые ссадины и царапины еще сильнее бросались в глаза.

Незванный гость надел шлепанцы и немного походил в них, словно хотел убедиться, что они ему по размеру.

– Спасибо.

– Не за что, это всего лишь старые шлепанцы.

Не сказав больше ни слова, незнакомец стал удаляться. Я смотрела ему вслед и вдруг неожиданно для себя самой опять его окликнула:

– Постой!

Как и в прошлые разы, он абсолютно спокойно повернулся ко мне. На мгновение я засомневалась, стоит ли спрашивать, но все-таки решилась.

– Откуда ты? Почему в таком виде? Куда собираешься идти? У тебя есть родственники или друзья? Тут есть телефон, так что можем позвонить им, чтобы они забрали тебя. Деньги есть? Я могу одолжить немного.

Никакой реакции. Его молчание настораживало.

– Ты сейчас не в том положении, чтобы отказываться. Одолжу тебе немного. На дорогу хватит.

– У меня нет семьи, – наконец сказал он.

Теперь все стало понятно. Этот человек совсем один. Когда случается беда, не нашлось близких, которые пришли бы на помощь. Внутри вдруг зашевелилась обида, оттого что в трудную минуту в жизни нет никакого пристанища. К глазам опять подступили слезы. Вдох, выдох...

– Что ж, руки, ноги у тебя на месте, голова тоже. Не стоять же тебе с протянутой рукой, прося милостыню? Найди работу и заботься о себе сам, – улыбнулась я.

– Найти работу, значит... – задумался он.

Надо попробовать что-то разузнать о нем, только осторожно.

– Ты где-то учился? Университет? Колледж? Техникум? Курсы?

– Нет.

– Нет?.. Вообще нигде? Но взрослому человеку ведь нужен диплом. Неважно, какие у тебя будут оценки и баллы и поступишь ли потом в университет. Получить специальность все равно нужно!

Лицо его по-прежнему не выражало никаких эмоций, однако во взгляде читалось презрение.

– Сказал же, что нигде не учился. Чего еще ты от меня хочешь?

Я всерьез разозлилась:

– Как же ты жил все эти годы? Сидел на шее у родителей?

В ответ он недовольно нахмурился:

– Я сам забочусь о себе.

И то неплохо! Все-таки он не какой-нибудь бездельник или преступник. Хотя если занимается тяжелым физическим трудом, тут нечего стыдиться.

Мне стоило больших усилий прекратить расспросы, в то время как ему, похоже, было совсем все равно. Незнакомец преспокойно стоял под лучами палящего солнца, и моя внутренняя борьба его нисколько не трогала.

Я нахмурилась и стиснула зубы, долго подбирая правильные слова. И наконец постаралась придать голосу деликатности:

– Может, останешься у меня и будешь помогать по хозяйству? В таком случае вопрос с жильем и едой решится. А что касается вознаграждения... оно будет зависеть от тебя.

Слова давались мне с трудом. Со стороны, наверное, казалось, что я самый добрый и бескорыстный человек на свете. Хотя на самом деле могло быть так, что это нужно скорее мне, чем ему.

И снова тишина в ответ. Его молчание тяготило меня, хотя я и не понимала почему. Найти работу здесь не так-то просто, а у него еще и денег нет. Так что мое предложение – настоящий подарок судьбы. Тут впору на шею броситься в приступе благодарности.

– Хорошо, – ответил он после некоторых размышлений.

Какое облегчение...

– Вот и отлично! Если будешь усердно работать, то мы быстро поладим, – улыбнулась я. – Меня зовут Шэнь Ло. «Шэнь» – как в иероглифе «морская раковина». А твое имя...

– У Цзюйлань, – немного помолчав, сообщил мужчина.

После быстрого знакомства я не знала, что делать дальше. По-видимому, нужно подписать что-то вроде трудового договора, но мне нечем выплачивать официальную зарплату. В конце концов, он может уйти в любой момент, и тогда наш договор... В любом случае в мои планы не входило предлагать ему уйти, так что будь что будет!

Мы стояли и молча смотрели друг на друга, растерявшись. Цзюйлань первым нарушил молчание.

– Что мне нужно делать?

– А?

Его вопрос вернул меня на землю.

– Ты сказала, что я буду работать у тебя. Что мне нужно делать?

– Ой, не прямо сейчас. Пока располагайся и как следует отдохни.

Я с ног до головы осмотрела нового жителя этого дома. Перво-наперво надо бы купить ему одежду.

– Я еду в город. Если хочешь, можешь... – Я резко замолчала.

Вообще, мы знакомы всего несколько часов, и мне стоило бы выгнать его. Но, учитывая все обстоятельства... А если возьму его с собой на рынок, то не пройдет и дня, как весь город об этом узнает. И вскоре кто-нибудь сообщит и моему отцу. Этого еще не хватало! Хорошенько поразмыслив, я стиснула зубы и приняла единственно правильное решение.

– Иди в дом! – приказала я. – Можешь захватить свой стул.

Я поднялась в комнату, чтобы переодеться и еще раз все тщательно обдумать. Правильно ли оставлять в доме совершенно незнакомого человека? Может, когда вернусь, он уже сбежит, прихватив с собой все ценное?

Сбитая с толку, я тщательно проверила комнату на наличие этого самого ценного. Деньги, банковскую карту, ID-карту, домовую книгу, даже мое платиновое кольцо с бриллиантами, которое я никогда не носила, – все это спрятала в пакет с ручками. В итоге осталась только старая одежда и мебель. Если мой внезапный гость захочет обчистить комнату, то ничего ценного не найдет.

Вдруг меня осенило: нужно засунуть что-то незаметное между дверью и косяком. В ванной как раз лежала расческа. Я выдернула из нее волосы и вложила их в щель. То же самое проделала в оставшихся трех комнатах на втором этаже и внизу, в кабинете.

Если Цзюйлань попытается проникнуть в комнату, то волосы упадут на пол. Так он себя и выдаст. Этот трюк я подсмотрела в одном сериале, когда мне было лет десять. А затем испробовала его на мачехе: хотела проверить, читает ли она мой дневник. Положила несколько волосков в дневник, и в итоге выяснилось, что читает. Был громкий скандал. В конце концов тетя Ян во всем обвинила меня, назвав малолетней интриганкой.

Я взяла тяжелый пакет с ценными вещами и вышла из кабинета. Цзюйланя я нашла на веранде. Он тихо сидел, облокотившись на спинку стула и устремив взгляд на пышно цветущую у забора бугенвиллею. От одного взгляда на эту картину мое сердце дрогнуло: завораживающие своей красотой алые цветы на фоне обветшалого, потрепанного временем иссиня-черного забора смотрелись поистине уникально. Сама часто люблюсь этим видом.

– Если нужно, на кухне есть еда и вода. Хотя ты и не в восторге от моих кулинарных способностей, но совсем необязательно морить себя голодом, – предложила я.

В ответ мужчина едва заметно кивнул.

– Что ж... Пойду в город. Не засиживайся!

Пока я закрывала главные ворота, наши взгляды на мгновение встретились. Я переживала глубокую печаль и бесконечные терзания. Его же глаза были спокойны и умиротворены – не хватало только улыбки на лице. Казалось, будто он видит меня насквозь, ощущает мою тревогу и вообще потешается надо мной!

Закрыв ворота, я замерла. Такое просто невозможно! Мне точно показалось. Это была всего лишь игра света!

В последние годы туризм на острове бурно развивался. Главная улица была переполнена магазинами с одеждой на любой вкус. Здесь всегда полно покупателей. В основном тут продают яркую одежду с цветочными принтами: футболки, майки, рубашки, шорты. Сегодня я не решилась заходить в излюбленные магазины. Меня там уже хорошо знают и непременно спросят, кому покупаю одежду. Лучше зайти в другие.

Я обошла много мест, прежде чем отыскала подходящую одежду для Цзюйланя. Взяла пару клетчатых рубашек и белых футболок с круглым вырезом, по двое шорт и брюк, а еще шлепанцы. Под конец я, вся краснея, купила ему два набора нижнего белья – в каждом наборе по трое трусов. Стыд-то какой! Даже папе никогда не покупала нижнего белья. Первый раз в своей жизни выбираю трусы мужчине. И не своему, а совершенно постороннему!

По дороге домой я купила еды. И с двумя огромными сумками в руках кое-как шла по ухабистой каменной дорожке, не престаивая причитать, что вот, дескать, вернусь и не обнаружу ни «гостя», ни ценных вещей. Все может быть! Ладно, такое пережить мне под силу. Подлые люди рано или поздно показывают свою настоящую сущность. С одной стороны, сама сегодня действовала немного безрассудно и импульсивно, а с другой – это послужит ему проверкой.

Я подошла и вставила ключ в ворота. Затем отступила на два шага, поддавшись сомнениям, и некоторое время изучала створки, прежде чем войти. Плотно закрыты. На земле лежали опавшие цветы и пыль. Нельзя было определить, уходил ли кто-нибудь после меня.

Прикусив губу, я робко повернула ключ и вошла внутрь. Последний раз так волновалась, когда ждала результатов вступительных экзаменов в вуз. Утренний «гость» по-прежнему сидел под навесом на веранде. Я невольно улыбнулась, летящей походкой подошла и поставила пакет с одеждой у его ног.

– Вот, смотри. Тебе купила.

И не дожидаясь ответа, развернулась и пошла на кухню раскладывать еду в холодильнике.

– Купила нам свежую рыбу. Вечером приготовлю на пару.

Как говорил дедушка, «чтобы приготовить рыбу на пару, требуется рука мастера. Однако настоящее мастерство – это правильно подобранные ингредиенты. Свежая рыба и хороший жар – вот что делает блюдо по-настоящему вкусным».

Помыв руки, я выглянула на веранду. Цзюйлань рассматривал купленную одежду. Закончив с брюками, он взял набор с нижним бельем. Мое лицо мгновенно покраснело, и я, отведя взгляд, поспешила вернуться в гостиную.

– Иди прими душ и переоденься. Если одежда не подойдет, завтра схожу на рынок и все поменяю. Душ на первом этаже. Старую одежду можешь постирать сам или выбросить в мусорное ведро, – громко объяснила я.

А затем отвела к ванной комнате на первом этаже:

– Здесь ванная. Вот шампунь и гель для душа. Сейчас поищу для тебя два чистых полотенца. Выбери сначала, что надеть, а потом прими душ.

Пока я искала в шкафу полотенца, он подошел ко мне сзади и спросил:

– Что это такое?

Я повернулась и увидела, что он держит упаковку с нижним бельем и очень серьезно смотрит на меня. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

– Что значит «что это такое»? Даже если ты нигде не учился и не умеешь читать, то хотя бы по картинке разобраться-то можно, – рявкнула я.

– Как это носить?

– Ты серьезно? – воскликнула я. – Не знаешь, как носить нижнее белье? Под штанами! Или ты хочешь, как Супермен, носить трусы поверх штанов? Или, может быть, как Бэтмен, надеть их на голову вместо маски? Учти, если в следующий раз сморозишь что-то подобное, тебе это с рук не сойдет!

Кипя от злости, я швырнула ему полотенце и быстро ушла в гостиную. Остановившись в саду и едва сдерживаясь, я дала себе слово, что больше никогда и ни за что не буду покупать нижнее белье никому, кроме как своему молодому человеку! Как говорится, не делай добра – не получишь зла.

Ветер усилился. Не знаю, сколько времени прошло, но лицо наконец перестало гореть. Посмотрев на часы, я поняла, что пора готовить ужин. Только сначала стоит узнать, будет ли вообще ужинать этот специалист по нижнему белью.

Я вернулась в гостиную и прошла к ванной комнате. Дверь была плотно закрыта. Он еще там? Прислушавшись, поняла, что да: в ванной шумела вода. Я тут же рванула к кабинету, нагнулась и внимательно присмотрелась: «маячки» были на том же месте. Затем, быстро встав, мигом поднялась на второй этаж и внимательно осмотрела двери всех четырех комнат: волосы по-прежнему были на своих местах в целости и сохранности.

Прикусив губу, я медленно спустилась вниз, не сводя глаз с ванной комнаты. По моему лицу медленно расплывалась улыбка. Злоба на неудачную и неуместную шутку уже проходила. Не стоит долго злиться на слова и поведение тех, кто не хотел тебя обидеть. Все-таки нужно уметь прощать.

К тому времени, как ужин был готов, мой «гость» все еще не вышел из душа. Подойдя к двери ванной, я услышала, что вода по-прежнему льется. Может быть, он потерял сознание, пока мылся? Я громко постучала в дверь.

– У Цзюйлань, У Цзюйлань! Немедленно выходи!

Воду выключили.

– Ой, ты еще в душе... Не торопись, все в порядке.

Пусть моется себе на здоровье, никто не против. Лишь бы в обморок не упал. А я пока перенесла плетеный столик и стулья в сад, расставила еду на столе и предусмотрительно накрыла ее сеткой от насекомых. Солнце еще не село, но становилось все прохладнее, и легкий ветерок приятно обдувал лицо. Раньше в хорошую погоду мы с бабушкой всегда ели в саду. Сидя на плетеном стуле и обмахиваясь пальмовым листом, я наклонила голову и взглянула на небо, по которому плыли белоснежные облака. Не было слышно ни гула машин, ни людских голосов – только шелест деревьев, жужжание насекомых и щебетание птиц. Этот до боли знакомый пейзаж успокаивал, и, хотя меня все еще переполняла печаль, на душе постепенно становилось светлее.

Наслаждаясь моментом, я сомкнула веки, но вскоре надо мной промелькнула какая-то тень. Открыв глаза, я увидела Цзюйланта. Он уже вышел из душа и подошел к столу. При одном взгляде на него меня сковал страх и пальмовый лист выпал из рук.

В лучах заходящего солнца стоял статный молодой мужчина. Он был одет в белую рубашку и черные брюки. Его облик напоминал одинокое дерево, омытое потоками света. Фарфоровая кожа подчеркивала его красоту – красоту настоящего принца из другого мира.

Не знаю, привык ли он к тому, что я смотрю на него с нескрываемым восхищением. Хотя, может, попросту не обращает на это внимания. Со спокойным видом мужчина сел за стол.

– Одежда в самый раз. Спасибо.

– Ах да... Не за что. Давай ужинать!

Его слова привели меня в чувство. Я подняла «веер», изо всех сил пытаюсь скрыть смущение. Но лицо снова покраснело, сердце бешено заколотилось. Неужели это и вправду тот самый человек, который упал без чувств перед воротами моего дома? Теперь, когда он смыл с себя грязь, смотреть на него было одно удовольствие.

Цзюйлань взял палочки и положил себе кусочек рыбы. За ужином я украдкой поглядывала на него: длинные волосы прикрывают уши, лицо открытое, с изящными чертами. После душа кожа вновь приобрела здоровый оттенок и он уже не выглядел истощенным. Наоборот, будто ожил. Словно взяли старую жемчужину и вернули ей прежнюю красоту.

На столе стояла тарелка с рыбой и две порции овощей. Я заметила, что мой «найденный» съел всего один кусочек окуня и больше к нему не притронулся. Тут мне вспомнилось, что утром он попробовал только вареный рис и моя еда ему не понравилась. Я чувствовала, что начинаю злиться. Ну, пусть жует одни овощи! И зачем только сидела у печки и следила за временем, боясь отвлечься, лишь бы не испортить блюдо?

– Ты ничего не ешь. По-твоему, опять невкусно?

– Угу, – тихо промямлил Цзюйлань, не поднимая головы, и посмотрел куда-то в сторону.

Я готова была рвать и метать и уже не собиралась скрывать ненависть. Наконец этот хам поднял голову и посмотрел на меня.

– Знаю, что ты старалась изо всех сил. Ничего страшного, – немного подумав, сказал он.

Что? А ну-ка повтори! Думаешь, мне нужно твое великодушное снисхождение? Еда получилась отличной, а он нос воротит!

Я была вне себя от гнева и решила, что больше ни за что не стану с ним разговаривать. Наклонив голову, просто взяла палочки и положила себе в тарелку половину рыбы. Не хочет – не надо. Сама съем! Пока я уплетала рыбу, Цзюйлань уже закончил и отложил палочки. Меня

это не остановило: ела как в последний раз. Пока не начало казаться, что еще чуть-чуть – и живот лопнет. «Гость» же только молча наблюдал.

– На что уставился? Никогда не видел голодного человека? – рявкнула я.

Уголки его рта слегка дернулись. Это что, попытка улыбнуться?

– Иди мой посуду, раз мне пришлось самой готовить ужин! – не сводя с него глаз, велела я.

После этих слов очень хотелось встать и уйти с высоко поднятой головой. Но как только я выбралась из-за стола, поняла, что сама не дойду. Будто съела не рыбу с овощами, а весь шведский стол смела. Мне едва удавалось стоять на ногах, поэтому ничего не оставалось, кроме как признать свое поражение и сесть обратно. Не сдаваясь, я схватила пальмовую ветку и с важным видом принялась обмахиваться.

– На улице хорошо, прохладно. Посижу тут, отдохну немного.

Его ответ не заставил себя долго ждать.

– Посиди.

Прежде чем я успела что-либо сказать, он собрал посуду и понес ее на кухню. Мне лишь оставалось смотреть ему вслед.

Надолго меня не хватило, поэтому вскоре я тоже встала и, еле передвигая ноги, поплелась на кухню посмотреть, как обстоят дела с посудой.

Средство для мытья посуды «найденыйш» не использовал – остатки жира он смывал кипятком! Как только руки себе не обжег? Я подошла и сначала убавила горячую воду, затем открыла кран с холодной, взяла моющее средство и пару раз капнула им на губку.

– В следующий раз, если не можешь что-то найти, спроси у меня.

Он взял моющее средство и пробежал глазами инструкцию.

– Хорошо.

Сказано это было абсолютно невозмутимым голосом.

– Как закончишь мыть посуду, возьми тряпку и протри стол, печку, шкафчик, пол, окна и...

Со стороны я была похожа на злого начальника, который раздает приказы направо и налево. Однако мужчина и бровью не повел и просто повторил:

– Хорошо.

Мы работали бок о бок: я говорила, что делать, он выполнял. Результаты совместных трудов превзошли мои ожидания: Цзюйлань не только начисто вытер стол, шкафчики, отдраил печку до блеска, но и вымыл все вокруг. С этим небольшим испытанием, которое я втайне задумала для него, он справился на отлично.

Осматривая кухню, где теперь царила абсолютная чистота, я поняла, что не помешает получше узнать этого человека. Пусть он излишне привередлив и за словом в карман не лезет, но не бездельник. Работает усердно, не халтурит. Вопрос: как тогда умудрился потерять обувь?

Похоже, закончив убирать кухню, он решил помыть еще и ванную. Я в это время сидела в пустой гостиной, погружившись в свои мысли. Где-то на фоне было слышно, как включается и выключается вода.

Дедушка умер от рака желудка. Он никому не говорил, что ему плохо, и поэтому болезнь удалось обнаружить только на последней стадии, когда было уже слишком поздно. В то время я работала в отделе финансов одной иностранной компании в Пекине. Узнав о диагнозе, я в тот же день уволилась, собрала чемодан и приехала к нему на остров.

Моего решения дедушка не осуждал, а я не спорила с его нежеланием пойти на операцию. Вместо того чтобы быть изрезанным вдоль и поперек, а после лежать истыканным трубками, он предпочел насладиться последними днями своей жизни как нормальный человек, в родном доме.

Мы специально не заводили разговоров о его болезни и просто жили: сажали цветы, ухаживали за садом, играли в шахматы, пили чай. В хорошую погоду ходили торговать на причал, рыбачили на лодке в море... Словом, жили так, будто не было этой семилетней разлуки, словно я никогда не покидала острова. Разница была только в том, что раньше дедушка заботился обо мне, а теперь – я о нем.

Прошло полгода после моего увольнения. Отец очень переживал по этому поводу, считал, что я совсем не думаю о своем будущем. Только вот забыл, что, если он как родитель не захотел взять ответственность за меня, это пришлось сделать мне самой, потому что только я всегда беспокоилась о своей жизни и работала не покладая рук.

Еще до болезни бабушки, а точнее во время учебы в университете, меня уже посещала идея вернуться на остров насовсем. Я знала, что потребуются деньги – на одежду, еду, жилье и транспорт, но к тому моменту львиная доля бабушкиной пенсии уже кончилась. Обременять его еще больше я не хотела. Поэтому, чтобы вернуться домой не с пустыми руками, мне пришлось много работать и откладывать деньги. Моей целью было вернуться на остров, арендовать старый домик у моря и переделать его в кафе. Так удастся и заботиться о бабушке, и снова жить у моря, наслаждаясь жизнью. Однако этим планам не суждено было сбыться.

Если бы я знала, что бабушка так скоро покинет меня, если бы сказала ему, что совсем не скучаю по городу, то, возможно... Увы, мы не можем заглядывать в будущее.

Я сидела, погрузившись в воспоминания и коря себя за ошибки прошлого, как вдруг услышала голос Цзюйланя.

– Ванную комнату и душевую кабину помыл. Что еще сделать?

Он шел ко мне из ванной. Шел тихо-тихо, едва касаясь пола. Казалось, что он даже не идет, а парит. Несмотря на простую белую рубашку и черные брюки, передо мной словно был благородный мужчина, про которого в книгах о Древнем Китае писали: «Изысканные манеры, благородный нрав». Я засмотрелась на него, прежде чем смогла взять себя в руки и ответить.

– Больше ничего не нужно. Давай покажу тебе дом и твою комнату.

Бабушка рассказывал, что дом этот построил еще его дед, когда был молод. Однажды тот отважился выйти в море и наловил жемчуга. Затем продал его и на вырученные деньги построил дом.

Поскольку на острове царила бедность и работы совсем не было, три бабушкины сестры вышли замуж и уехали. Сам он тоже отправился в город на заработки, и в доме никого не осталось. Со временем тот обветшал, крыша покрылась мхом. Лишь уйдя на пенсию, бабушка решил вернуться на остров, отремонтировать жилище и осесть в родных местах.

В отличие от традиционных построек в больших городах, дом на острове был сделан из камня и подручных материалов, что нашлись здесь же. Из темно-серого бутового камня бабушка построил стены, серо-голубой черепицей выстлал крышу. Так и получилось крепкое каменное жилище, которому не страшны ни тайфуны, ни проливной дождь, ни нашествие насекомых.

По форме дом напоминал перевернутую семерку в два этажа высотой. На первом располагается пара просторных и светлых комнат: гостиная, которая занимает большую часть здания, и рабочий кабинет. Поскольку бабушка страдал от ревматизма и подниматься по ступенькам ему было тяжело, то прямо за кабинетом он сделал небольшую спальню.

Лестница на второй этаж находится в углу, на стыке гостиной и кабинета. Поднявшись на второй этаж, сразу упираешься в другую пару комнат. Справа от них – еще две. Все это спальни с отдельными ванными. Те, что ближе к лестнице, поменьше. В каждой умещается двуспальная кровать и простая мебель. Спальни на втором этаже считаются гостевыми. Когда папа с семьей ненадолго приезжает сюда, они останавливаются там. Кстати, именно благодаря Шэнь Янхуэю дом обору́довали «благами цивилизации».

Когда брату было шесть лет, они с отцом и мачехой приехали в гости. Мелкий постоянно ныл, что ему здесь не нравится, громко плакал и просился домой. Чтобы не расстраивать своего единственного внука, дедушка нанял людей сделать ремонт. Так в старом доме появились новые душевые кабины и унитазы. Однако отец с семьей редко приезжал сюда. За последние два-три года всего несколько раз, да и то на пару дней.

Спальни справа от лестницы довольно просторные и отделены друг от друга перегородкой. В них с лихвой умещается кровать, книжный шкаф, письменный стол, плетеный диван, стулья и даже еще остается свободное место.

Кухня – это отдельная каменная постройка с черепичной крышей слева от гостиной. А по дороге из кухни в кабинет на первом этаже поместилась маленькая цветочная клумба, в центре которой росло столетнее мандариновое дерево. Сколько точно ему лет, не знал даже дедушка, но, по словам его отца, когда тот был еще маленьким, то срывал мандарины, выжимал из них сок и ел макрель, макая ее в этот сок.

Слева от кухни располагается цветник прямоугольной формы, где вдоль забора высажены иксора и бугенвиллея. А около стены справа стоит уличный водопроводный кран с желобом, где очень удобно стирать вещи. Еще правее от мандаринового дерева, прямо под окнами моей спальни, благоухают дицентра и апельсиновый жасмин. И наконец, вдоль гостиной и кухни протянулся сам внутренний двор. Дорожки там усыпаны мелкими иссиня-черными камушками. На видном месте пышно раскинулся бонсай. А вход во внутренний двор вел к главным воротам.

Показав Цзюйланю дом, я подошла к окну в комнате для гостей на втором этаже. Окна ее выходили в сад.

– Планирую открыть здесь небольшой отель, но одной мне не справиться, – стоя к нему спиной, поделилась я. – Поэтому разрешила тебе остаться.

Он был первым, кто узнал этот маленький секрет, который бережно покоился в моем сердце.

– С того самого момента, как я вернулась сюда, решила, что больше никуда не уеду. Каким бы огромным и развитым мегаполисом ни был Пекин, мне все равно. Там я всегда буду чувствовать себя не в своей тарелке. Мне хорошо знакомо это чувство. Пусть мне придется жить небогато, зато в своем родном доме. – Слова вырвались раньше, чем я успела их осознать.

После сказанного я почувствовала, что как будто разговариваю не с незнакомцем, а с по-настоящему близким человеком. Стало немного неловко, оттого что я наговорила много лишнего, поэтому решила сменить тему.

– Дом расположен не совсем удачно: до моря далеко. Думаю, первое время туристов будет не много, так что необходимо сделать упор на сервис. После первых посетителей заработает сарафанное радио и привлечет еще больше гостей. С этого момента я буду владельцем гостиницы, а ты – администратором. В общем, меня считай головой, а себя – руками. Так что уборка и тяжелая работа теперь на тебе, – с наигранно суровым видом сказала я. Но вдруг подумала, что такой расклад испугает моего бесплатного сотрудника, и тут же добавила: – Конечно же, это всего лишь гостиница, а не стройка. Работать круглосуточно не нужно. Просто не отлынивай и старайся.

В ответ он кивнул.

– Где моя комната?

– Вот здесь.

Я долго думала, и это решение далось мне непросто. Раз уж планирую открыть отель, стоило бы поселить его внизу, в кабинете. А комнаты на втором отдать посетителям. Но гостиница пока была только в моих планах. К тому же не хочется, чтобы кто-то жил в комнате дедушки, поэтому я решила устроить нового сотрудника моего будущего отеля в одной из спален на

втором этаже. Его спальня будет рядом с моей, так что я всегда смогу приглядывать за ним. Мы ведь едва знакомы.

– Это спальня моего брата. Под кроватью есть ящик. В нем чистое постельное белье. Поменяй пододеяльник и наволочку. Ванную комнату убирай сам: тряпка лежит на раковине, чистящее средство найдешь в шкафчике под ней.

– Понял, – бодро ответил Цзюйлань.

– Сегодня был тяжелый день, так что лягу пораньше. Ты тоже не засиживайся! Отдохни хорошенько. Завтра нам предстоит много работы.

Я закрыла дверь его спальни и зашла к себе в комнату. Несколько дней мне никак не удалось нормально отдохнуть. Утром опять рано встала. Из-за этого немного кружится голова, а все мысли – лишь о том, как бы поскорее лечь в кровать. Но теперь я не одна. За стеной есть еще один человек. Хотя он успешно прошел все послеобеденные испытания, однако не стоит забывать, что внешность бывает обманчива. За красивым «фасадом» и благими намерениями может скрываться настоящий монстр. Как известно, чужая душа – потемки. Кто знает, может быть, Цзюйлань совсем не тот, кем кажется на первый взгляд?

Я закрыла дверь на ключ и подперла ее табуреткой, на которую поставила бутылку из-под пива. Если посреди ночи он попытается открыть дверь, бутылка упадет на пол и звук разбудит меня. Под подушку я положила маленький фонарик, а рядом – мобильный телефон, предварительно поставив на быстрый набор номер полиции. Под кроватью спрятала нож для арбуза.

Поразмыслив, не упустила ли чего, надела теплые носки и легла под одеяло. Хотя спать в носках не очень удобно, в фильмах часто показывают героиню, которая в момент опасности вынуждена бежать босиком. На всякий случай лучше перестраховаться. По крайней мере, так будет безопаснее.

Поначалу я изо всех сил пыталась не уснуть, прислушиваясь к разным шорохам за дверью, но постепенно усталость взяла верх, и я провалилась в сон.

Глава 3. Зеленые сливы и бамбуковые лошадки¹¹

Неважно, что время пролетело так незаметно. Значение имеет лишь то, что мы выросли. И это замечательно!

Всю ночь я спала как убитая. Только под утро в полусонном состоянии включила телефон. Часы показывали почти девять.

Я закрыла глаза, чтобы поспать еще немного, как вдруг увидела лицо Цзюйлани. Меня пробил дрожь. Я резко привстала и уставилась на дверь: бутылка по-прежнему стояла на своем месте – моя хитроумная ловушка все еще стоит наготове. Похоже, ночью никто не пытался проникнуть ко мне в комнату.

Значит, это был всего лишь сон! С каждой секундой мое сердце наполнялось радостью. Продолжая нежиться в кровати, я все время хихикала и ухмылялась во весь рот. Этой ночью мне удалось поспать целых десять часов. От накопившейся за последние дни усталости не осталось и следа. Даже настроение поднялось.

Лежа на кровати, я зажмурилась и хорошенько потянулась. Интересно, Цзюйлани уже проснулся? Не знаю, как ему спалось этой ночью... Только подумала о нем, как вдруг услышала какой-то звук, доносившийся из сада, и мигом вскочила с кровати. Подбежав к окну, я посмотрела вниз.

В лазурном небе ярко светило солнце, на участке тихо качались деревья, благоухали цветы. На бамбуковой палке сушилась простынь и пододеяльник, колыхаясь на ветру. Цзюйлани, как и вчера, был одет в белую рубашку и черные брюки. Он стоял среди развевающегося постельного белья и развешивал постиранную одежду.

Возможно, дело было в чересчур лазурном небе, ярком солнце, зеленых кронах и слишком пестрых цветах, но такой, казалось бы, банальный и по-домашнему уютный пейзаж радовал глаз и согревал сердце. Я легко улыбнулась. И стояла, любясь видом.

Колыхания пододеяльника и простыни напоминали волны: то вздымались высоко вверх, то плавно опускались обратно. Силуэт Цзюйлани был подобен этим волнам: он то появлялся, то скрывался из виду. Мужчина аккуратно повесил сушиться последнюю постиранную рубашку, а затем поднял голову и посмотрел на меня. В солнечном блеске его силуэт переливался золотистым светом.

Я слабо махнула рукой и громко сказала:

– Доброе утро!

– Доброе, – слегка улыбнулся он.

– Ты завтракал?

– Нет.

– Подожди, сейчас что-нибудь приготовлю, – завязывая волосы, пообещала я.

Затем, вбежав в ванную комнату, наскоро умылась и почистила зубы, после чего пулей спустилась на кухню и взялась за завтрак. В этот раз я решила обойтись без рисовой каши и сварить на двоих суп из тонкой лапши с жареными яйцами и помидорами. Просто и вкусно!

Пока я готовила, Цзюйлани стоял в дверях кухни и все время наблюдал за мной. Я же, помня, что он с раннего утра успел постирать белье, не хотела больше ничем его нагружать. Поэтому сама следила за кипящей в кастрюле лапшой и обжаривала помидоры в сковороде.

– В городах проведен газопровод для природного газа, а здесь, на острове, мы покупаем газовые баллоны со сжиженным газом, – объяснила я.

¹¹ «Зеленые сливы и бамбуковые лошадки» (кит. #####) – образное выражение, означающее детскую непосредственность и чистоту, а также любовь, зародившуюся в детстве.

Когда еда была готова, мы наполнили тарелки лапшой, расположились на веранде и начали завтракать. Как и вчера, меня не отпускало желание понаблюдать за новым жителем моего дома. Он был спокоен, лицо не выражало никаких эмоций. Зато сегодня не придирался к еде и спокойно ел жареные помидоры с яйцами.

В конце концов мое любопытство взяло вверх.

– Ну как?

Цзюйлань лишь окинул меня пустым взглядом и ничего не ответил. Все и так было ясно. Я уже привыкла к его привередливости в еде. Вдобавок завтрак приготовлен на скорую руку, так что ничего удивительного в недовольстве не было.

– Понимаю, что до мастерства ресторанных шеф-поваров мне далеко, но я с детства занимаюсь домашними делами, в том числе готовкой. И получается у меня, кстати, не так уж плохо. Даже вечно недовольная мачеха признает мой кулинарный талант, пусть и с неохотой. Так что ты, наверное, просто не привык еще к здешней еде, – проворчала я.

Он сидел, опустив голову, и молча смотрел на лапшу.

У этого человека есть одно ценное качество: он всегда прямо говорит, что думает. Лесть или ложь во благо – это точно не про него. Такие непоколебимые принципы достойны уважения, так что я совсем чуть-чуть подулась и забыла.

Позавтракав, Цзюйлань встал, собрал посуду и пошел на кухню мыть ее. Еще одно приятное открытие: он все понимал с первого раза и быстро усвоил, что если готовка на мне, то посуда на нем.

Я посмотрела, как мужчина сосредоточенно вытирает тарелки, и взглянула на сад. Одежда, купленная ему вчера, его постельное белье и постельное белье из комнаты отца и мачехи – все это было тщательно выстирано и развешано на бамбуковых палках по всему саду.

Сегодня работников привлекают всеми возможными и невозможными способами, но я уверена: такого трудолюбивого и добросовестного работника, как Цзюйлань, мне больше не найти. Предложить ему погостить у меня было мудрым решением. Впервые я убедилась в том, что добро всегда вознаграждается. Хотя по-прежнему оставалось неясно, как столь хороший и трудолюбивый человек оказался на пороге моего дома в весьма неприглядном виде.

Я с детства усвоила, что у каждого есть тайны. Если сам не захочет поделиться, то допытываться не стану. Ведь, как говорил Конфуций, «не делай другому того, чего не желаешь себе».

Мы немного поговорили, и я отправилась поработать в кабинет. Проходя мимо лестницы, я вдруг остановилась и заглянула в ванную комнату. Все внутри было чисто, как будто ей вообще не пользовались. Индикатор на стиральной машинке не горел. Я открыла крышку: внутри было сухо. Едва сдерживаясь, я побежала к гостиную.

– Скажи, как ты утром стирал белье?

Цзюйлань посмотрел на меня через окно на кухне. И похоже, не понял вопрос.

– Машинкой стиральной пользовался? – Мне пришлось уточнить. В ответ он покачал головой.

Хотя я уже сама обо всем догадалась, но верилось с трудом, поэтому хотела услышать от него.

– Ты что, все стирал вручную? – с недоумением указывая на водопроводный кран в саду, спросила я.

– А так нельзя?

– Дело не в этом. У тебя запасные руки есть? В следующий раз, когда будешь стирать одежду или что-нибудь большое, например пододеяльник, бросай все в стиральную машинку. Это экономит и время, и силы!

– Руки не болят, все нормально. Я привык к тяжелой работе, мне не сложно, – как всегда, спокойно сказал он.

Такой ответ лишил меня дара речи.

– В любом случае, когда в следующий раз будешь стирать постельное белье, сделай это в стиральной машинке. Она тут не просто так стоит!

Сказала как отрезала.

– Хорошо, – после недолгого молчания согласился Цзюйлань.

Я ушла обратно в кабинет и села за стол перед компьютером. Поочередно смотря то на экран, то на висящую в саду простыню и пододеяльник, я не переставала удивляться феноменальному трудолюбию этого человека.

Многие люди до сих пор стирают одежду вручную. Но не простыни и пододеяльники же! Вот, например, наша соседка по улице, тетушка Ли, стирает руками. Дело даже не в том, что у нее нет машинки. Просто ее семья одна из самых бедных на нашей улице и она старается экономить на всем, в том числе на воде и электричестве.

Наверное, семья Цзюйланта тоже живет небогато. Настолько, что не может позволить себе стиральную машинку. Поэтому он привык все делать вручную.

Компьютер наконец загрузился. Я собралась с мыслями и села заниматься делами. Необходимо подать заявление, а еще собрать все документы на бизнес-лицензию, чтобы открыть гостиницу. Вроде бы это несложная, но скрупулезная работа. Сейчас администрация острова активно развивает туризм, поддерживает местных предпринимателей и финансирует культурный и экотуризм. А поскольку я настоящий коренной житель, это лишь вопрос времени, когда уладятся все формальности и мое дело пойдет в гору. Главная проблема – это обустройство и менеджмент будущего отеля.

Хотя дом и правда старый, он все еще вполне пригоден для жизни одного человека. Однако жить самому и сдавать другим – это не одно и то же. Каждая комната в доме нуждается пусть и в косметическом, но ремонте. Вдобавок нужно установить телевизоры, подключить вайфай, купить новые шторы, постельное белье и полотенца.

Три года в Пекине я прожила весьма скромно и сумела накопить сто двадцать тысяч юаней. После приезда на остров потратила около десяти тысяч. Сейчас на банковском счете у меня осталось чуть больше ста тысяч. Это все, что у меня есть, не считая дома. Нужно учитывать, что первое время гостиница не будет приносить больших денег, поэтому нужно оставить некоторую сумму на жизнь. Плюс купить все самое необходимое для гостей. Денег остается совсем немного, поэтому требуется тщательно распланировать бюджет.

В интернете я внимательно изучила, как самостоятельно делать ремонт и что в итоге получилось у тех, кто отважился на него. Так удастся избежать типичных ошибок и сэкономить средства. Ведь теперь мне, а не дедушке предстоит нанимать бригаду и следить как за ремонтом, так и за тем, чтобы с меня не взяли лишнего.

Я смотрела видео и делала заметки, как вдруг перед лицом появилась тонкая белоснежная рука и принялась тыкать в изображенного на экране человека, словно в попытке понять, как живой человек оказался на экране компьютера. Это еще что такое?

С минуту я тупо смотрела на это странное явление и только потом повернула голову к Цзюйланю. Он подкрался незаметно и теперь молча смотрел на меня. Как всегда, спокойный и сдержанный. Хотя взгляд его был каким-то высокомерным и холодным. Если бы сама этого не видела, то никогда бы не подумала, что идиотом, который тыкал пальцем в экран компьютера, был Цзюйлань.

– Компьютера никогда не видел? Ты все деньги, который зарабатывал, отсылал домой и совсем ничего не оставлял себе?

Сегодня компьютер есть у каждого, однако в далеких и бедных деревнях о подобной технике вообще никогда не слышали. Там до сих пор черно-белые телевизоры смотрят. Похоже, семья у Цзюйланта действительно очень бедная и компьютера у них в помине нет. Однако, даже

если он не может позволить себе купить его, можно же пойти в интернет-кафе. Многие парни, которые приехали в большой город на заработки, часто зависают там: играют в игры или общаются в QQ¹². В конце концов, ему не нужно, как мне, экономить каждый юань и отказывать себе во всем. Хотя на мгновение я представила душераздирающую картину: родители Цзюйланя неизлечимо больны и все заработанные деньги он отправляет по почте домой на их лечение.

Ничего не ответив, тот бросил на меня презрительный взгляд и холодно сказал:

– Дело не в том, что я не могу позволить себе купить компьютер. Я просто не вижу в этом смысла.

После чего повернулся и гордо направился к двери, обронив на ходу:

– Как и твой дедушка.

Внутри возникло странное чувство. Я не знала, как реагировать: то ли смеяться, то ли плакать. Этот человек предпочтет прикрываться высокомерием и равнодушием и, даже если задето его раздутое эго, ни за что не сознается, что пользовался компьютером. Нет, он просто-напросто будет грубить, подчеркивать свое пренебрежение и всеми силами показывать, что ему все равно. Как же он напоминает меня в детстве!

Мне тогда было шесть лет. Родители постоянно скандалили, то и дело угрожая друг другу разводом. До ребенка им дела не было. Как я и что со мной – никого не волновало. На мое бедственное положение обратила внимание мама девочки, с которой мы вместе играли на улице. Ей стало жалко подругу дочери, и она приобрела мне две пары брюк. Но вместо благодарности я почувствовала обиду. Ни в какую не хотела брать подарок и, как заведенная, повторяла, что мама уже купила для меня много красивых брюк, а я просто не люблю ходить в новых, потому что в старых удобнее.

Я вскочила и быстро подошла к Цзюйланю, преградив дорогу.

– Посуду помыл?

– Помыл.

– Для тебя есть еще одно дело. Давай, вперед, – сказала я и подтолкнула его к компьютеру.

Он не шелохнулся и просто смотрел на меня. Попытка сдвинуть его хоть на миллиметр провалилась: это все равно что пытаться толкать гору. Сколько ни старайся, а толку не будет.

Тогда я разозлилась и исподлобья посмотрела на него:

– Так, кто здесь хозяйка? Разве ты не должен исполнять мои поручения?

Наконец мы вместе подошли к компьютерному столу. Сев в кресло, я пододвинула табуретку и с важным видом пригласила новоиспеченного «сотрудника» сесть.

– Решила посмотреть, как делают ремонт в отелях. Присоединяйся. В будущем нам обоим это понадобится. Если хотим ни в чем себе не отказывать, то нужно хорошо постараться.

Открыв браузер, я показала, как пользоваться поисковиком. Если освоит это, остальное придет со временем. Показывала все медленно. Цзюйлань молча сидел рядом и внимательно следил за моими действиями.

Вдруг я вспомнила, что раз у него никогда не было компьютера, то он, наверное, не знает, как пользоваться клавиатурой.

– Что тебе знакомо: «Пиньинь» или «Уби»¹³?

– «Уби», – немного поразмыслив, ответил Цзюйлань.

Я сразу скачала пособие по «Уби» и быстро показала ему основы.

– Тут требуется время, чтобы запомнить графемы иероглифов. Потренируешься, набьешь руку – и сможешь легко печатать.

¹² QQ – популярный китайский мессенджер.

¹³ «Пиньинь» и «Уби» – способы ввода текста на китайской клавиатуре. «Пиньинь» основан на методе звукопроизношения, когда звуки прописываются латиницей и автоматически трансформируются в иероглифы. «Уби» – ввод иероглифа по ключевым чертам, каждая из которых вводится отдельно.

После этого я достала с книжной полки оставшийся от бабушки самоучитель по работе на компьютере, положила его перед мужчиной и наказала учиться по этой книге. Тот взял книгу и начал листать. Я стояла позади. Взгляд упал на сад, где на ветру развевалось постельное белье. Тут меня осенило: Цзюйлань не включал стиральную машинку, потому что он просто не знает как.

От самой мысли мне стало не по себе. Но вероятнее всего, так оно и есть. В конце концов, откуда он родом? Из какой-нибудь далекой глухомани или богом забытой деревни? Там, наверное, и электричества нет? Неудивительно, что первое время его было тяжело понять...

Не скрою, конечно, он вызывал во мне любопытство. Но я не планировала встречаться с ним или выходить замуж, так что не видела смысла копаться в прошлом нового знакомого. Главное – решить насущные вопросы здесь и сейчас.

Из электрических приборов в доме есть кондиционеры, микроволновая печь, холодильник, рисоварка, телевизор и DVD-плеер. Не знаю, пользовался ли он хотя бы чем-нибудь из всего этого.

Хорошенько подумав, я порылась в шкафу, достала с нижней полки коробку с инструкциями от всех электроприборов в доме и поставила ее на угол стола.

– Здесь инструкции ко всем электроприборам в доме. Будет свободное время – почитай, – поручила ему я. И, боясь, что мои слова могут обидеть его, спешно добавила: – Их все сделали разные фирмы и в разные годы, так что инструкции могут не подходить. Почитай, чтобы не было как со стиральной машинкой.

К счастью, Цзюйлань понял все правильно, не обиделся и не воспринял мои слова в штыки. Он терпеливо выслушал наставления и согласился все прочитать.

Выйдя на улицу, я отправилась подавать заявление на бизнес-лицензию. На всякий случай захватила с собой ID-карту и домовую книгу.

Мне казалось, что это простая формальность и она не займет много времени, однако процедура оказалась очень долгой и со множеством нюансов. Позже выяснилось, что мне необходимо приложить к документам фотографию и справку о состоянии здоровья. К счастью, я коренной житель острова и, куда бы ни пошла, всегда могу неожиданно встретить моих одноклассников или одноклассников моих одноклассников и обратиться к ним за помощью. Так можно сэкономить уйму времени. Целый день я крутилась как белка в колесе, прежде чем наконец оформила все документы.

К шести часам я вернулась домой жутко уставшая и с арбузом в руках, купленным по дороге.

– Я дома, – устало произнесла я и развалилась на плетеном стуле.

Цзюйлань едва взглянул на меня, молча взял арбуз и унес на кухню. Чуть погодя он вернулся, держа в руках вилку и вазу с очищенным и нарезанным на маленькие кусочки арбузом.

Я была немного удивлена. Ведь буквально утром он вел себя как человек, который вроде бы не должен знать, как пользоваться приборами для резки арбуза. Хотя, похоже, сегодняшний деликатес оставил его равнодушным. Но не меня. Я с удовольствием взяла кусочек вилкой и поблагодарила помощника.

Смакуя каждый ломтик, я в итоге съела половину и почувствовала, как ко мне возвращаются силы.

– Договорилась по поводу ремонта. Завтра во второй половине дня мастер приедет осмотреть дом и скажет, во сколько приблизительно обойдется работа. Утром надо будет все здесь убрать и помыть. Начинаем режим максимальной экономии.

В ответ послышалось лишь тихое «угу».

Наступил вечер, и пора было готовить ужин. Я как раз подумывала не заморачиваться сегодня и просто отварить лапшу, как вдруг услышала тихий стук в дверь.

Это был Цзян Ишэн, мой сосед и друг детства. Мы вместе росли и были не разлей вода. Он всегда отличался цепким умом. Мог не ходить на уроки, но неизменно умудрялся получать хорошие оценки и оставаться лучшим в классе, чем удивлял других ребят. В детстве его прозвали Чудотворцем, а сейчас этот человек работал хирургом в городской больнице на острове. Его имя созвучно со словом «доктор». Так «Цзян Ишэн» стал «доктором Цзяном». Забавное совпадение, которое становится поводом для вежливых шуток среди новых знакомых и пациентов.

Раньше я бы со всех ног бросилась открывать дверь, сейчас же, напротив, не торопилась.
– Заходи, – с трудом сказала я, бросая робкий взгляд на Цзюйланы.

Тот оказался весьма проникательным: сразу почувствовал мое волнение и хотел уже укрыться в другой комнате, но я преградила ему дорогу. Для себя я твердо решила ничего не бояться, поскольку бизнес у меня официальный, что дает право нанимать людей. Оставалось лишь успокоить моего нового «жителя».

– Это мой близкий друг. Он хороший человек. Сейчас познакомлю вас.

Я подошла к двери и открыла ее.

– Сяо-Ло, ужин дома отменяется. Пойдем сегодня в кафе, – проходя в гостиную, объявил Ишэн.

С ним пришли еще двое: девушка и парень. Девушка была в платье, с красивым лицом, стройной фигурой и волосами до плеч. Второй спутник, молодой человек, носил очки и выглядел интеллигентным и сдержанным. Я узнала в нем адвоката Чжоу Бувэня, который вчера приходил к нам в дом огласить завещание.

Поначалу я застыла от удивления, а когда шок прошел, вежливо поздоровалась:

– Здравствуйте, господин Чжоу.

Ишэн громко рассмеялся:

– Сяо-Ло, как официально! Вы же знакомы, присмотрись получше.

Чжоу Бувэнь улыбался мне. Вчера он делал это по-другому – сухо и профессионально. А сейчас – искренне и с радостью. В его глазах читалось нетерпение. Я была сбита с толку и жалела только о том, что не могу дотянуться и пнуть гадкого докторишку за то, что морочит мне голову. Однако мне удалось взять себя в руки.

– Господин Чжоу, мы познакомились с вами только вчера. Почему Ишэн утверждает обратное?

Мой друг сделал наигранно глубокий вдох и хотел было уже отрыть рот, как Чжоу Бувэнь дернул его за руку, и тот осекся. Адвокат пристально посмотрел на меня.

– Сяо-Ло, – еще раз улыбнулся он. – Это же я, Датоу¹⁴.

Вежливая улыбка мгновенно исчезла с моего лица. В полном недоумении я уставилась на Чжоу Бувэня.

Ли Датоу, которого при рождении называли Ли Цзинь, был еще одним моим лучшим другом детства. Мне сразу вспомнился худощавый мальчишка с большой головой, длинными ногами и хмурым, озлобленным лицом. В школе никто не смел его задирать. Сейчас же передо мной стоял подтянутый мужчина – настоящий интеллигент. Сколько бы я ни всматривалась, не могла найти никакого сходства с тем мальчишкой из детства. Разве что в выражении лица улавливалось что-то знакомое.

Когда мне было десять, отец снова женился. Мачеха забеременела. В квартире стало тесно, и для первого ребенка места не нашлось, поэтому меня забрал дедушка. Так как я не говорила на восточноминьском диалекте¹⁵ и не понимала родного языка народности ли¹⁶, то

¹⁴ Датоу (кит. ##) – прозвище Бувэня, в переводе означает «большая голова».

¹⁵ Восточноминьский диалект – диалект китайского языка, распространен в восточной части провинции Фуцзянь.

¹⁶ Ли – народность, проживающая на острове Хайнань.

разговаривала на чистом путунхуа¹⁷, из-за чего сильно выделялась в школе. Для одноклассников новая ученица стала предметом любопытства и восхищения, но вскоре школу облетела новость, что мой отец не хочет, чтобы его дочь сбежала с матерью и ее проходимцем-любовником неизвестно куда, пока он живет в другом месте. Вот тут любопытство и восхищение быстро сменились на жалость и презрение. В то время я напоминала испуганного ежика, защищающего острыми иголками остатки самооценки, которая после всего и так была ниже плинтуса. А потом и вовсе превратилась в изгоя: одноклассники выбрасывали мои тетради в унитаз, по дороге домой плевали мне вслед. Дошло до того, что один мальчик поймал и подложил мне в портфель змею. Теперь все это кажется обычными детскими шалостями, но тогда эти шалости превратили мою жизнь в настоящий ад. И продолжался этот ад до тех пор, пока к нам в класс не пришел Ли Датоу.

Он, как и я, бегло говорил на путунхуа и жил с бабушкой. Только его родители не развелись: отец умер, а мать жила отдельно. Когда-то я страстно хотела быть похожей на новенького: уж лучше бы папа умер, чем отказался от меня.

И парнишка, и я не умели прощать, зато он легко выражал недовольство и мог дать сдачи. Видимо, сказывалась мужская природа, вдобавок его не затравила мачеха. В то время как я тихо отмалчивалась в углу и старалась не лезть на рожон, он отлично дрался и мог легко приструнить трех обижавших его старшеклассников. Ему было все равно, по делу на него ругаются или нет. Он предпочитал решать вопросы грубой силой, чтобы в следующий раз ни у кого даже мысли не возникло подойти.

Ли Датоу был старше на три года. Хотя мы оба жили на улице Мацзу и виделись до и после школы, мы никогда не говорили друг с другом. Так продолжалось до тех пор, пока однажды одноклассники не загнали меня в небольшой лес рядом со школой. Они окружили меня со всех сторон и стали допытываться: «А твоя мать правда сбежала с любовником?» Тогда откуда ни возьмись появился Ли Датоу, разогнал всех и предупредил, что будет при встрече избивать любого, кто решит еще раз поиздеваться надо мной.

С тех пор я ходила за ним хвостиком. Со временем мы освоили восточно-миньский диалект и даже заговорили на языке ли, а он привык к жизни на острове и даже подружился с Ишэном, чей дом стоял на нашей улице.

Три года наша троица была неразлучна. Мы все делили на троих. Так продолжалось до того дня, пока мне не исполнилось тринадцать и я не получила любовное письмо от Ли Датоу. В тот момент внезапно пришло осознание, что мы все-таки разного пола. Когда он, смущенный и взволнованный, признался мне, я стояла как вкопанная и не знала, что сказать.

Пока я ломала голову над ответом на первое в жизни любовное письмо, бабушка Ли Датоу неожиданно умерла от инсульта. После этого его забрала мать. Он ушел так быстро, что не успел даже попрощаться с нами. На любовное письмо я так и не ответила.

Только от соседей слышала, что его матери сказочно повезло и она вышла замуж за богатого мужчину, одинокого и бездетного выходца с юга, проживающего за границей. В тот раз безоблачное будущее Ли Датоу зависело от того, понравится ли он отчиму.

Постепенно воспоминания о том парнишке тускнели, но не исчезли полностью, поскольку он был рядом на протяжении самых тяжелых трех лет моей жизни. Да еще это любовное письмо без ответа... В общем, его образ навсегда остался в моей памяти.

Ишэн слегка толкнул меня.

– Судя по лицу, вспомнила?

Я наконец пришла в себя. Мое сердце затрепетало так, что стало даже неудобно.

– Друг, с которым мы три года почти не расставались... Как можно забыть? Заходите! – проговорила я с неловкой улыбкой и впустила гостей.

¹⁷ Путунхуа – официальный язык в КНР.

Я быстро пододвинула плетеный стол и стулья, приглашая всех сесть. Ишэн просил меня не суетиться, но я пропустила его слова мимо ушей. Пулей вбежав на кухню, нарезала оставшуюся половину арбуза и аккуратно положила в вазу для фруктов. Вот сейчас можно успокоиться.

С тарелкой в руках я вышла из кухни и увидела, как трое мужчин сидят и мирно болтают в моей гостиной.

– Меня зовут У Цзюйлань, – улыбнулся мой помощник. – Я двоюродный брат Сяо-Ло. Только вчера вечером приехал на остров.

При этих словах я споткнулась и чуть не уронила вазу с фруктами ему на голову. К счастью, он был готов: одной рукой крепко схватил меня, а другой поймал и поставил на стол вазу с фруктами.

– Сяо-Ло всегда была независимой и не привыкла говорить кому-то о своих проблемах. Это меня беспокоит. Я все равно ничем не занят, потому решил составить ей компанию на какое-то время.

– Господин У, а чем вы занимаетесь?

– Работаю программистом. Обычно нас называют айтишниками. Мы не привязаны к офису, можно работать удаленно. Главное – вовремя выполнять работу, чтобы заказчик был доволен.

«Ах, программист, значит? А кто сегодня утром тыкал и ковырял пальцем экран компьютера?»

Я уставилась на него, не понимая, что он задумал. Цзюйлань же посмотрел на меня с искренней улыбкой. А затем потянул к себе, усаживая рядом на стул, и по-дружески сказал Чжоу Бувэню:

– Зови меня просто Цзюйлань. Или я буду обращаться к тебе «господин Чжоу», и никак иначе. Не нужно формальностей.

– Сяо-Ло, почему ты никогда не говорила, что у тебя есть такой прекрасный двоюродный брат? – в шутку рассердился Ишэн.

– Ой, вы это, кушайте арбуз, – попробовала я сменить тему.

Я сама только узнала, что у меня есть двоюродный брат. Впрочем, Цзюйлань вполне приемлемо объяснил, что он здесь делает. С этим проблем не возникло, так что выдавать его не стану. Будучи человеком прямолинейным, вряд ли он позволил бы себе нагло врать направо и налево, но сообразительности ему хватило, чтобы догадаться: от маленькой лжи вреда не будет.

Ишэн и Чжоу Бувэнь поняли, что сейчас не лучшее время для расспросов о моем родственнике, поэтому мы больше не поднимали эту тему.

Вместо этого адвокат указал на очаровательную девушку, сидящую рядом с ним, и сказал:

– Сяо-Ло, познакомься: это Чжоу Буянь, моя двоюродная сестра по отцу.

– Очень приятно, меня зовут Шэнь Ло. Когда-то мы с твоим братом были хорошими друзьями и соседями по улице, – улыбнулась я.

– Взаимно. – На ее лице тоже появилась улыбка. – Брат столько рассказывал о тебе, что я уже давно мечтала познакомиться.

В ее словах чувствовался намек, вот только мне не удалось понять на что. Оставалось лишь сидеть и вежливо улыбаться.

– Прости за вчерашнее, – вдруг вмешался Чжоу Бувэнь. – Пришлось притвориться, что мы незнакомы.

– Конечно, я все понимаю. Ты все правильно сделал. Мачеха бы точно заподозрила неладное, если бы узнала, что адвокат, занимающийся вопросом наследства, – мой давний друг.

– Хватит болтать. Давайте сначала решим, куда пойдем ужинать, – перебил нас Ишэн.

Ребята стали обсуждать, куда лучше отправиться. Я же молча кивала на все их предложения, поскольку говорить настроения не было. Все-таки целый день провела на ногах и очень устала.

– Давайте никуда не пойдем, а просто позвоним нашему старому другу Сянсу и оформим доставку. Как вам такая идея? – предложил Чжоу Бувэнь.

Ишэн взглянул на меня и понял, что предпочла бы я, после чего сказал:

– Мне совсем не хочется никуда идти, так что давай. Только я сам закажу.

Он был авторитетным и уважаемым врачом здесь, на острове, так что никто не мог ему отказать, чтобы не ударить в грязь лицом. Будь то ресторан с доставкой или обычная лавка, один его звонок – и все, что вы пожелаете, уже у вас дома.

Ишэн уточнил, кто что любит, кому чего нельзя, и достал телефон. Тридцать минут спустя курьер на мопеде привез два больших пластиковых контейнера. В одном было барбекю – кусочки сочного жареного мяса, аккуратно упакованные в двухслойную алюминиевую фольгу, в другом стояли банки с алкоголем и другими напитками среди кубиков льда.

Стол ломился от еды: рыба, креветки, устрицы, грибы, кукуруза... Больше двадцати видов блюд на гриле с пылу с жару. Барбекю-ресторан, где Ишэн сделал заказ, известен на весь остров. Там всегда свежие продукты и очень вкусно готовят. Каждый вечер в заведение выстраивается огромная очередь, и это не считая заказов на дом. Однако, даже если в ресторане час пик и яблоку негде упасть, один звонок от Цзян Ишэна – и курьер уже послушно везет заказ к вам. Этому у него стоило поучиться!

К слову, он уже чувствовал себя как дома и с улыбкой звал всех к столу.

– Ешьте, пока горячее. Если не хватит, закажем еще. Привезут быстро, не успеете и глазом моргнуть.

Ребята уже открыли пиво, и мы чокнулись, чтобы отпраздновать воссоединение старых друзей спустя много лет. После пары бокалов атмосфера стала намного уютнее.

Чжоу Бувэнь взял несколько зажаренных щупалец кальмара и протянул мне:

– Когда-то давно ты очень любила их. Надеюсь, предпочтения не изменились?

– Не изменились, – улыбнулась я и взяла угощение. Сегодня получилось пообедать лишь тарелкой риса, поэтому сейчас я была жутко голодной. К тому же мне действительно очень нравятся кальмары, так что я с удовольствием откусила кусочек.

Наслаждаясь едой, я не переставала поглядывать на своего «брата». У меня были опасения, что он, как и раньше, отставит тарелку, едва попробовав. Но, к моему удивлению, Цзюйлань вдруг улыбнулся и с радостью принялся за рыбу. Похоже, эти блюда были ему по вкусу. Что ж, уже хорошо. Только, похоже, повар из меня все-таки никакой.

Цзюйлань и Чжоу Бувэнь понимали, что сегодня вечером им отведена роль второго плана, поэтому тихонько наслаждались барбекю. Я тоже с детства мало говорю и больше слушаю, в отличие от своих друзей, которых хлебом не корми – дай поболтать.

Жизнь Чжоу Бувэня сложилась удачно: сначала он с отчимом и матерью уехал в Малайзию, там окончил школу и поступил в университет в США. Затем вернулся в Китай и сейчас работает в известной юридической фирме в городе Фучжоу. Родители здоровы, девушки нет.

Из его рассказа стало понятно, что отношения с отчимом сложились хорошо. Они явно близки, раз Бувэнь называет того отцом. Если бы я не знала историю его семьи, непременно подумала бы, что речь идет о биологическом, а не приемном отце.

Мы с Ишэном понимали друг друга как никто другой и, что бы ни говорил наш друг детства, намеренно не вспоминали прошлое. Включая смену его фамилии. Еще в детстве он не любил, когда к нему обращались по имени и фамилии, так что мы называли его просто Датоу. Поэтому сейчас даже казалось, что его всегда звали Чжоу Бувэнь.

Когда мужчины закончили рассказывать о себе и принялись расспрашивать меня, я уже успела сделать кое-какие выводы. Оба состоятельные, могут позволить себе все. Не хватало

одного – девушек. Я же их полная противоположность. По меркам Пекина внешность у меня ничем не примечательная, профессия весьма заурядная, а сейчас так я вообще безработная.

– Сяо-Ло, какие у тебя планы? Вернуться обратно в столицу? – заботливо поинтересовался Чжоу Бувэнь.

– Нет, я так и не привыкла к тамошнему ритму жизни. Так что возвращаться не планирую.

– А как насчет Фучжоу? Можешь найти работу там. Я помогу.

– Мой брат, похоже, не в себе, раз так скромничает перед тобой. Сяо-Ло, он ведь действительно может помочь. В крайнем случае у нашего дяди в Фучжоу есть фирма, и там всегда требуются специалисты по финансам, – перебила нас Чжоу Буянь.

Я еще не успела ничего ответить, как Ишэн стал всерьез размышлять.

– Фучжоу – хороший вариант. Находится недалеко, похожая еда и климат. Хотя если ты уедешь, что будет с домом? Без людей он совсем зарастет.

– Сяо-Ло, я как раз хотела поговорить с тобой об одном деле, – опять перебила нас Чжоу Буянь.

– О каком? – Мне стало любопытно.

– Я тут уже два дня и заметила, что здешние дома весьма необычны, – прикусив губу, начала Чжоу Буянь. – Мне очень понравился остров и его старые каменные здания. Изначально хотела купить один себе, но поговорила с хозяином местной гостиницы и узнала, что купить жилье на острове нельзя – только арендовать. Собственно, и хозяин гостиницы не владеет ей – он арендатор. А твой дом мне понравился, как только зашла в него. Если решишь уехать на работу в другой город, чтобы он не пустовал, сдай его мне. За аренду готова платить десять тысяч юаней в год.

Такая сумма меня изрядно удивила. Обычно старые домики на берегу моря можно арендовать не дороже чем за семь или восемь тысяч, несмотря на их хорошее расположение. Очевидно, деньги для Чжоу Буянь не проблема. Взглянув на Чжоу Бувэня, я поняла, что она говорит абсолютно искренне.

– Спасибо за предложение. Рада, что тебе понравился дом. Однако в ближайшее время я не планирую сдавать его.

Сказано это было с улыбкой.

Девушка взглянула на брата, и голос ее стал жалостливым.

– Сяо-Ло, ты, наверное, беспокоишься за дом? Боишься, что я все тут переломаяю? Не переживай по этому поводу, наживаться и повторно сдавать его в аренду не стану. Просто буду приезжать сюда на несколько месяцев в году. Максимум, что я сделаю, так это передвину мебель. Обещаю, что не буду менять планировку.

– Сестра еще в начальной школе полюбила живопись. Сама рисует красками. Сейчас занимается дизайном ювелирных украшений. Она любит стиль ретро и все старинное: дома, мебель, украшения. Так что можешь не переживать и спокойно сдавать дом, – пришел ей на помощь Чжоу Бувэнь.

– В старых домах обязательно должен кто-то жить. Если они будут пустовать, то быстро обветшают. Как бы там ни было, работу тебе ведь искать нужно, а здесь ты вряд ли что-то найдешь. Так почему бы не уехать и не сдать дом Буянь? Разве что можно уменьшить срок сдачи, но мы же друзья и обо всем договоримся, – подхватил Ишэн и принялся меня уговаривать.

– Все верно! – одобрительно закивал Чжоу Бувэнь.

На фоне непрекращающихся уговоров ничего не оставалось, кроме как признаться прямо.

– Если я когда-нибудь решу уехать с острова в поисках работы, то непременно сдам дом Буянь, но пока никуда не собираюсь. Хочу жить здесь одна.

Все были в шоке от услышанного. Остров существовал за счет рыболовства и туризма. Ничего другого просто не было. Кроме узких специалистов вроде Цзян Ишэна, молодежь в поисках работы уезжала на материк, где возможностей и денег больше.

– Но что ты будешь делать здесь? – спросил Цзян Ишэн.

– Ну... открою гостиницу, – неловко ответила я.

Цзян Ишэн положил в рот кусок мяса и, пережевывая его, сказал:

– По-моему, это весьма рискованно. Но если ты действительно все решила, то поддержи тебя.

– Спасибо. – Я подняла бокал в его честь.

Чжоу Бувэнь, наоборот, погрузился: лицо стало мрачным и печальным. Но он тоже поднял бокал пива и улыбнулся:

– Если откроешь гостиницу, то как раз сможешь приезжать сюда отдыхать! Так даже лучше, правда?

В ту же секунду с улыбкой присоединилась и Чжоу Буянь:

– Тогда с нетерпением буду ждать открытия гостиницы Сяо-Ло.

И все трое выпили за скорейшее открытие и большую прибыль.

Весь вечер мы только и делали, что ели, пили и веселились. Только к десяти часам Чжоу Бувэнь и Ишэн засобирались домой.

Стоя во дворе, адвокат на прощание взглянул на меня и, казалось, хотел что-то сказать, но промолчал. Наш друг-доктор быстро сообразил, что к чему, поэтому подозвал Чжоу Буянь и увел ее к выходу, решив оставить нас наедине. К сожалению, в этот момент Цзюйлань стоял позади меня, поэтому Чжоу Бувэнь не решился говорить в присутствии постороннего и молча направился к воротам. Плечи его были опущены.

В детстве мне довелось пожить и с отчимом, и с мачехой. Живя под чужой крышей, с ранних лет я научилась читать по лицу. Я давно чувствовала, что Чжоу Бувэнь хотел мне что-то сказать, но свыклась с этим ощущением, думая, что мне это только кажется. Поэтому сегодня его неожиданная попытка поговорить выбила меня из колеи. Я не была готова к серьезной беседе, так что решила сделать вид, что ничего не заметила.

Закрыв главные ворота, будто в тумане я поднялась наверх и села на кровать. Вдруг меня посетила мысль. Я подскочила и, обыскав всю комнату, нашла под кроватью старую жестяную банку из-под печенья. В ней хранились мои детские вещи, в том числе и первое любовное письмо.

Читать я его не стала и просто бережно держала в руках. После стольких лет бумага истончилась и пожелтела. Почерк казался совсем уж детским, но за этим детским признанием скрывалось замечательное время, когда двух маленьких, загнанных в угол детей связывали узы крепкой и теплой дружбы. Глядя на лист, я не смогла сдержать улыбки. Мое сердце наполнилось радостью, словно после долгой разлуки.

Годы жизни с бабушкой прошли в спокойной и теплой атмосфере, однако я не переставала переживать за судьбу Датоу. Боялась, что его не примет отчим и он не сможет продолжить учебу, а то и вовсе сойдет с пути и пойдет по кривой дорожке.

Судьба разлучила нас, и она же устроила сегодняшнюю встречу. Я уже поняла, что мой друг поладил с отчимом, окончил школу и даже отучился в зарубежном вузе. Сейчас у него дружная семья, хорошая работа и двоюродная сестра, с которой он отлично ладит.

Неважно, что время пролетело так незаметно. Значение имеет лишь то, что мы выросли. И это замечательно!

Наконец-то у меня получилось отпустить то, что столько лет лежало камнем на сердце. С улыбкой я свернула письмо и положила его обратно в жестяную банку.

Глава 4. Смятение

Он крепко держал меня. Его рука была холодной, но в тот момент казалась самой теплой на свете.

Проснувшись рано утром, я с удивлением обнаружила, что под навесом на маленьком квадратном столике стояла миска с кашей, тарелка с вареными яйцами и изумрудно-зелеными водорослями.

Сглотнув слюну, я громко спросила:

– Цзюйлань, это ты приготовил?

– Нет. Может, ты? – донесся из кабинета холодный голос.

Наверное, это должно было звучать как шутка, только вышла какая-то насмешка над моим интеллектом. Возможно, это упрек за то, что я слишком уж занизила ожидания, поняв, с каким человеком имею дело. Ладно, чего голову ломать? Лучше попробую кашу.

Вкус меня поразил. Сварить крупу может каждый, но немногие сделают это хорошо. Каша была не слишком густой и не слишком жидкой, в меру мягкой. То что надо, в общем. Вкус риса ощущался настолько отчетливо, что мне не терпелось съесть все до последнего зернышка. Что-то подобное я пробовала лишь однажды, в одном ресторанчике в Гуанчжоу. Обе закуски отлично дополняли основное блюдо: зеленые водоросли освежали, а вареные яйца усиливали вкус. Я опустошила и миску с кашей, и тарелку с закусками, не поднимая головы.

Однажды вычитала в каком-то романе, что чем проще блюдо, тем более сложное испытание для навыков повара оно представляет, но не верила в это. Сегодняшний завтрак был очень вкусным и помог понять, почему Цзюйлань с неприязнью относится к моей готовке.

Вымыв посуду, я зашла в кабинет и увидела его за компьютером. Затем принесла табурет, села рядом и, поставив локти на стол, стала пристально наблюдать за этим загадочным мужчиной.

Кожа у него очень светлая, черты лица аккуратные, нос идеально прямой, глаза посажены глубже, чем у среднестатистического жителя Восточной Азии, а брови густые и темные. Передо мной словно бы сидело существо с вершины пищевой цепи, не замечающее никого внизу. Стоит признать, его холодность и высокомерие могли напугать.

Спустя какое-то время Цзюйлань оторвал взгляд от монитора и посмотрел на меня. Наконец он равнодушно произнес:

– Призрака увидела?

Даже жаль, что я видела Цзюйланя в нелепой одежде и после обморока. Видела, как старательно он стирал, убирал дом и готовил еду, отчего вся строгость исчезала из облика. Мне не было страшно находиться рядом с ним, потому что в нем я замечала определенное сходство с ребенком, который изо всех сил пытается принять грозный вид, чтобы напугать людей. Ни с того ни с сего я вдруг протянула руку и ущипнула его за щеку.

Кожа была нежной и холодной. Я усмехнулась, но через мгновение поняла, что натворила. Меня словно током ударило. Цзюйлань тоже был в шоке. Мы смотрели друг на друга, не в силах поверить в произошедшее. Он перевел взгляд на мою руку, которая так и замерла у его лица. От этого взгляда у меня внутри появилось чувство, что я в один миг могу лишиться руки.

Осознав всю серьезность ситуации, я быстро спрятала ее за спину и нелепо рассмеялась. Мужчина посмотрел мне в глаза, и в горле сразу пересохло – смеяться уже не получалось. Нужно срочно отвлечь его и сменить тему!

– Я съела все, что ты приготовил. Завтрак был настолько вкусным, что теперь понимаю, почему моя стряпня вызывает у тебя презрение.

Цзюйлань остался равнодушен к моей лести и прямо сказал:

– Хорошо, раз поняла. Значит, теперь готовить буду я.

Возражать я не видела смысла, поэтому тут же энергично закивала головой.

– Ты так хорошо готовишь, что с легкостью можешь пойти поваром в пятизвездочный отель. Так зачем... приехал в такое место, как наш остров?

Еще вчера я думала, что мне с ним не роман крутить, поэтому не собиралась задавать вопросов о его прошлом, но сегодня не смогла удержаться. Я прочитала гору книг и посмотрела кучу сериалов, но этот человек для меня все еще остается загадкой. А ведь думала, что разбираюсь в психологии.

Слегка прищулив глаза, он, казалось, тщательно обдумывал ответ на мой вопрос. Вдруг меня прошиб холодный пот и волосы по всему телу встали дыбом: я будто смотрела в глаза ядовитой змее. Страх сковал тело, мышцы словно парализовало. К счастью, Цзюйлань быстро потерял ко мне интерес и снова уставился в монитор.

Из моей груди вырвался вздох облегчения. Я еще раз взглянула на мужчину, но не заметила ничего необычного. Начинало раздражать, что меня уже второй раз испугал взгляд этого человека. Прикрыв монитор рукой, я воскликнула:

– Ответ на вопрос!

– Всем не везет, вот и мне недавно не повезло. – Он повернул голову в мою сторону.

Ничего не сказал толком и в то же время будто объяснил все. В один миг мое раздражение рассеялось и стало немного грустно оттого, что не могу утешить его. После недолгого молчания я произнесла:

– Если тебе некуда податься, можешь просто жить здесь и помогать мне. А захочешь уйти – я оплачу тебе дорогу.

Лицо Цзюйланя оставалось бесстрастным. Какое-то время он молча смотрел на меня, а затем встал и вышел.

Глядя ему вслед, я сердито пробормотала:

– Несмотря на твою холодность, я все равно тебе помогаю! Мог бы хоть улыбнуться...

* * *

В час дня пришел дизайнер Ван Тяньлинь, муж моей одноклассницы из средней школы и просто хороший знакомый. После выпуска мы часто пересекались. Я провела его по этажам, показывая дом. Узнав о моем финансовом положении, он сразу признался, что ремонт дома – это бездонная яма.

– За ремонт подобного дома можно отдать как миллион, так и целое состояние. Моя идея в том, чтобы экономить настолько, насколько это возможно. Но есть моменты, где это совершенно не удастся. Во-первых, ради безопасности. Во-вторых, если пожадничать и купить дешевые вещи, то они сломаются через год-два и их придется чинить.

Что ж, логично.

Тяньлинь достал блокнот с ручкой и начал рисовать и делать заметки, анализируя, что необходимо перестроить, а что достаточно отремонтировать. Последний ремонт проводился восемь лет назад, и многое требовало повторной починки. Я указывала одно за другим подобные места, а мастер решал, что стоит заменить, а что подлатать. Вдвоем мы составили план предстоящих работ.

Я доверяла Тяньлиню и знала, что у него есть свои поставщики, и потому цены на материалы будут ниже, чем если идти и покупать их в магазине. Поэтому вопрос расходов был полностью на нем. Сделав грубый подсчет, он сказал, что материалы и услуги мастеров обойдутся не менее чем в восемьдесят тысяч юаней.

Цена оказалась немного выше ожидаемой, но разница в десять-двадцать тысяч оставалась в пределах нормы, и я согласилась. Поскольку нужно было оплатить покупку материалов

и внести аванс, мы условились на пятидесяти тысячах юаней, а оставшуюся сумму я обязалась выплачивать, когда потребуются материалы, и по ходу работы.

Мне хотелось побыстрее начать, и Ван Тяньлинь, немного подумав, сказал, что приступит послезавтра. Так как ремонт не был масштабным, то он пообещал делать все быстро и без потери качества. По его оценке, можно уложиться в две недели.

Я с благодарностью спросила:

– Аванс оплатить переводом или наличными?

– Лучше наличными.

Переводом, конечно, проще, ну да ладно.

– Хорошо, тогда отдам деньги завтра.

– Завтра рано утром я отправлюсь на корабле за материалами и вернусь поздно вечером.

Мы давно знакомы и не станем обманывать друг друга, так что отдашь послезавтра, как начну работать.

– Отлично!

Когда все было обговорено, мы еще немного поболтали, и Тяньлинь начал собираться домой. По дороге к выходу я вновь и вновь благодарила его.

* * *

На следующий день я первым делом отправилась в банк за деньгами. Помимо пятидесяти тысяч для Тяньлиня, сняла еще десять тысяч на покупку телевизора, столов, стульев и другой мебели. Транспорт на острове нерегулярный, из-за чего доставка крупногабаритного груза часто занимает от десяти дней до полумесяца, поэтому лучше купить все заранее. Хотя если слишком поторопиться, то придется искать место для хранения. С другой стороны, затяну с покупками – и, скорее всего, вещи не придут к открытию гостиницы.

Несмотря на то что люди на острове простые и неконфликтные, я была очень осторожна и шла, крепко прижимая сумку к груди. Все-таки в ней было шестьдесят тысяч наличными.

Прогуливаясь по оживленному овощному рынку, я смотрела, как змеится вверх, вдоль склона горы улица Мацзу, и думала о том, что вот-вот буду дома. На этой мысли моя бдительность притупилась.

По разным причинам старые улицы сносились и перестраивались, а когда правительство вмешалось, остались только отдаленная улица Мацзу и улица Фонарей, где на пристани собирались туристы. Здесь обе дороги сильно сужаются и потому закрыты для автомобилей, по обеим сторонам стоят только старые дома местных жителей. За исключением небольшого магазинчика, торгующего табаком, алкоголем и закусками, тут нет никаких коммерческих заведений и вообще очень тихо.

Было рабочее время, поэтому улицы пустовали. Вниз по дороге несли мотоцикл, на котором сидело двое мужчин в шлемах, закрывающих лица.

Я отошла в сторону, но они, проезжая мимо, слегка замедлились, а пассажир вытянул руку и схватил мою сумку. Мотоцикл рванул вперед, мои пальцы сами собой сжали ремешок сумки, вот только силы были неравны – я упала, и меня потащило по земле.

Тонкая ткань платья никак не защищала, и кожа быстро покрылась царапинами и ссадинами. Мне было очень больно, но мысль о шестидесяти тысячах не позволяла просто сдаться. Человек, сидящий сзади, что-то сердито пробурчал, а затем достал нож, чтобы перерезать ремень сумки. Мотоцикл тряхнуло, и острое лезвие ножа полоснуло мою руку. От сильной боли я выпустила сумку и растянулась на дороге. Не знаю, то ли от пыли в глазах, то ли из-за дикой боли, но я больше ничего не видела. Слышался лишь рев удаляющегося мотоцикла.

Все произошло очень быстро. На улице снова стало тихо и спокойно. Только я выглядела так, будто вернулась из ада. Приложив немало усилий, чтобы встать, я осмотрела себя

и поняла, что не хватает одного ботинка. На ногах не было живого места, а раны на ладонях кровоточили. Мир казался слегка расплывчатым. Я протерла глаза, убирая кровь и грязь, но видела по-прежнему плохо.

Я уже хотела позвонить в полицию, как вдруг вспомнила, что телефон остался в сумке. С трудом определив направление к дому, я шла, дрожа всем телом, и кричала:

– Кто-нибудь! Кто-нибудь!..

Все тело ныло от боли, а я кричала все громче в надежде, что меня услышат и помогут. Но то ли из-за того, что голос охрип, то ли в ближайших домах просто никого не было, никто так и не откликнулся. Несмотря на то что на улице ярко светило солнце, казалось, будто меня все сильнее затягивает в какой-то темный и холодный мир.

Никто не придет на помощь. Я кричу в пустоту. Утратив всякую надежду, я поняла, что рассчитывать можно только на себя. Бояться бессмысленно, плакать – тоже. Как и в детстве, единственный выход – это стиснуть зубы и двигаться дальше. Тогда я твердо верила, что стану взрослой, сейчас же – что обязательно найду путь домой.

Поскольку зрение так и не вернулось в норму, мне ничего не оставалось, кроме как вытянуть руки и, подобно слепой, двигаться на ощупь. Это была прогулка на острие ножа.

Вдруг чья-то холодная рука схватила мою. Я вздрогнула, но тут же раздался голос Цзюй-ланя:

– Это я!

Он крепко держал меня. Его рука была холодной, но в тот момент казалась самой теплой на свете. Я вцепилась в нее изо всех сил, боясь, что он исчезнет. Цзюйлань же будто прочел мои мысли:

– Я здесь и никуда не уйду.

Стало чуть спокойнее, и в смущении я хрипло проговорила:

– Меня ограбили, нужно поскорее вызвать полицию. И наверное, сходить в больницу.

– Твои раны я уже осмотрел. Не переживай, только на тыльной стороне правой ладони рана довольно серьезная. Остальные хоть и выглядят страшно, но там просто содрана кожа.

– Еще что-то случилось с глазами. Ничего не вижу.

– Просто грязь попала. Промоешь водой – и все будет нормально, – мягко проговорил мой спаситель. – И расслабь руку. Из-за раны ее лучше не напрягать.

Стоило мне ослабить хватку, как он тут же высвободился.

– Цзюйлань!

– Я здесь.

Куском какой-то ткани мужчина плотно обмотал мою руку:

– Поможет остановить кровь.

– Спасибо...

От боли я вскрикнула, а он приобнял меня и, широко шагая, повел вперед.

– Мы идем в больницу.

До сих пор мне удавалось держаться только за счет мужества, но теперь, обретя поддержку, я отпустила себя. И в этот момент стало действительно страшно, аж дрожь пробежала. Положив голову на плечо Цзюйланя, я спряталась в его объятиях.

Хоть зрение пока и не вернулось, а все тело болело. Но я чувствовала, как солнце греет в этот теплый ясный день.

У соседского магазинчика сидели несколько стариков, попивая чай и играя в шахматы. Увидев мое состояние, они наперебой закричали и вызвали такси, а после позвонили в полицию. Когда мы сели в машину, Цзюйлань поднял мою руку повыше и перевязал рану тканевым ремешком.

– Так кровь течет медленнее.

– Знаю, – улыбнулась я, – видела по телевизору, как накладывают жгут. А ремешок откуда? Это же не от твоей одежды? Выглядит немного старомодно.

– Правильно. Угадала. Тебе нравится смотреть телевизор? – Видимо, чтобы я не беспокоилась из-за зрения, Цзюйлань пытался отвлечь меня разговорами.

– Не знаю, нравится или же просто привыкла. Сколько себя помню, мои родители всегда ссорились, а мне только и оставалось тихонько смотреть ТВ. Потом, живя с отчимом или мачехой, боялась разозлить их, поэтому, когда они уходили куда-то, компанию мне снова составлял телик. Позже я поняла, что просмотр телевизора – отличный способ развлечься, если не хочешь тратить деньги.

Я смотрела все – от гонконгских драм по TVB до сериалов материкового Китая и корейских дорам, а вдобавок еще и множество американских и тайских сериалов. Хотя многие презирают такой вид развлечения, меня же телевизор сопровождал на протяжении всего детства. Конечно, в кровавых и загадочных сюжетах были зловещие персонажи и коварные заговоры, но в них показывали и любящие семьи, романтические чувства и пылкую дружбу.

Я рассмеялась.

– Когда была маленькой, одноклассники страшно завидовали, что никто не контролировал меня и я могла смотреть сериалы для взрослых. Там видела, как мужчины целуют женщин, как они занимаются любовью... Ой, кажется, я немного увлеклась... Ну, то есть это были не те фильмы для взрослых, которые «восемнадцать плюс». Скорее сериалы, где герой и героиня целуются, всем своим видом показывая, что дальше что-то будет, после чего кадр обрывался, оставляя аудиторию только с этим намеком.

Чем больше я говорила, тем больше росло внутри меня чувство неправильности происходящего. Поэтому вскоре я замолчала.

К счастью, больница была недалеко и водитель, испугавшись моего вида, довез нас довольно быстро.

Цзян Ишэн, получив звонок, уже ждал у входа в больницу с мобильной койкой. Цзюйлань открыл дверь машины и, как только я попыталась выбраться из нее, подхватил меня на руки и вытащил наружу.

Друг был заметно потрясен моим состоянием. Поэтому, едва Цзюйлань уложил меня на койку, немедленно направил нас в отделение неотложной помощи. На его вопрос, где болит, я ответила, что глаза режет и плохо вижу. Ишэн быстро осмотрел меня и подтвердил, что в глаза попала грязь с кровью.

– Позже подойдет медсестра и промоет тебе глаза. Скоро ты будешь в полном порядке, – утешал старый друг.

При виде постороннего в отделении неотложной помощи медсестра поинтересовалась:

– Доктор, вы и господин не выйдете?

Ишэн ответил, с улыбкой глядя на меня:

– Мы давно знакомы, но боюсь, не смогу смотреть на тебя без одежды: это нанесет мне психологическую травму. Поэтому лучше выйду и подожду снаружи.

Они вместе с медсестрой посмеялись. Уголки моих губ тоже невольно дернулись, но я с напускной серьезностью прикрикнула:

– Выйди!

Он увел Цзюйлania к выходу из отделения, не став закрывать дверь, а лишь задержав занавеску, чтобы слышать, что происходит внутри.

Медсестра промывала мне глаза, пока Ишэн проводил осмотр. Похоже, благодаря нашей с ним дружбе медсестра обращалась со мной очень бережно.

Дождавшись, когда мое зрение восстановится, доктор Цзян закончил осмотр.

– Травма на руке куда серьезнее, чем на остальных участках тела. На рану необходимо наложить примерно двенадцать швов. Останется шрам, и только. Работе это не помешает.

Мнения Ишэна и Цзюйланя несильно разнились, поэтому я сказала:

– Только лишние хлопоты для доктора.

Он снял повязку, которую наложил мой спаситель, и спросил:

– Кто оказывал тебе первую помощь? Очень неплохо!

– ...Мой двоюродный брат.

– Цзюйлань, вы много знаете об оказании первой помощи. Изучали это раньше?

– Изучал.

– Тогда я просто обязан вас похвалить! Большинство людей забудут все, даже посетив лекции несколько раз. Вижу, что хоть вы и делали все быстро, но не нервничали, очевидно рассудив, что Сяо-Ло ничего не грозит.

«Брат» молчал, не подтверждая и не отрицая эту мысль.

Дальше доктор просто болтал, не задавая никаких вопросов. Я же не переставала удивляться, что мой новый знакомый умеет не только оказывать первую помощь, но и хоть как-то разбирается в медицине. Ведь Ишэн правильно предположил, как действовал Цзюйлань. А действовал он как профессионал.

После обработки раны я покинула отделение неотложной помощи в униформе медсестры и ее обуви.

– Вау! Что за искушение! – рассмеялся мой друг.

Я вдруг покраснела. Мой рост – метр семьдесят три, а форма медсестры была коротковата и не закрывала ноги. Я хотела поменять ее на размер побольше, но Ишэн сказал, что лучше не задевать раны на ногах.

Мельком взглянув на своего спутника, я заговорила:

– Мое платье превратилось в тряпку. Медсестра ищет, у кого можно одолжить для меня одежду. Будет странно, если мой полуживой вид кого-то привлечет.

Ишэн понял мое настроение и прекратил шутить. Он с улыбкой похлопал по приготовленной для меня инвалидной коляске.

– Поехали! Провожу тебя обратно.

– Твой рабочий день закончен?

Подражая мне, друг ответил:

– Когда вид полуживой, все остальное – ерунда.

Смеяться не было сил, поэтому я просто села в инвалидное кресло.

Он подвез нас до овощного рынка на улице Мацзу. Проезд для машин вверх по улице был закрыт, поэтому оставалось только идти пешком. С поврежденной ногой я без проблем могу сделать несколько шагов, однако дойти до дома – задача, боюсь, невыполнимая.

Ишэн вышел из машины и открыл мне дверь, молча размышляя о том, как помочь мне добраться. Очевидно, он догадывался, что меня наверняка придется нести на спине. Хмуро вглядываясь в извилистую улицу, я пришла к той же мысли.

Неожиданно Цзюйлань, не произнеся ни слова, приблизился к машине и нагнулся. Затем тут же обхватил меня одной рукой за спину, другую подложил под согнутые колени и легко вытащил из машины.

– Идем, – спокойно сказал он.

От удивления глаза Ишэна стали круглыми, как блюдца. Я покраснела и тихо попросила:

– Опустите меня обратно!

– В чем дело? На моих руках неудобно?

– Не в этом дело...

– Раз удобно, тогда идем.

– Просто... немного некомфортно. Люди ведь смотрят.

– Я уже нес тебя так прежде, и люди тоже смотрели, – не останавливаясь, сказал Цзюйлань.

Мне было нечего возразить человеку, который не понимает, что иногда нужно приспособиться, поэтому я замолчала.

Когда он обнял меня в тот раз, все мое тело болело и я плохо видела, поэтому не придавала этому особого значения. А сейчас понимаю, что никогда прежде меня не обнимал малознакомый мужчина. Мое сердце стучало так громко, что, подозреваю, Цзюйлань все слышал.

Еще издали я увидела у ворот двух полицейских и нескольких отзывчивых соседей.

– Поставь меня на землю, – сказала я, пытаюсь слезть, чтобы идти самой.

Цзюйлань снова не послушал и отпустил, только оказавшись во дворе. Под красноречивыми взглядами полицейских и соседей мне даже голову поднять было стыдно. К счастью, с нами пришел Ишэн, который тут же представил Цзюйланта как моего кузена и перевел все внимание на раненую ногу. Та выглядела пугающе, и все понимающе закивали, а я наконец расслабилась. После этого я пригласила полицейских в гостиную, оставив соседей тихонько переговариваться во дворе.

– Мне надо переодеться, а после сразу выйду к вам, – вежливо предупредила я стражей порядка.

Одна из соседок, что знала меня еще с детства, помогла мне подняться и сменить форму медсестры на свободную домашнюю юбку. Только после этого ко мне вернулось чувство комфорта.

Я села напротив полицейских и подробно рассказала о случившемся. Только, к сожалению, не смогла описать лица грабителей. К тому же на мотоцикле не было номерного знака, что тоже затрудняло поиски. Единственное, что запомнилось, – на руке человека, который украл сумку, было темное пятно.

Полицейские заверили, что сделают все возможное, чтобы поймать преступников. Однако предупредили, что такого рода дела обычно совершают приезжие и они, скорее всего, уже покинули остров, потому вернуть украденное будет очень сложно. Это меня не удивило, я предполагала нечто подобное.

Убедившись, что выяснили все возможное, полицейские встали и попрощались. Проводив их, Ишэн проделал то же самое с соседями. А вернувшись в гостиную, сел передо мной и спросил:

– Сколько денег у тебя осталось?

– Чуть больше сорока тысяч.

– Вот уроды! – рассердился Ишэн. – Пусть только попадутся мне – руки переломаю!

Ишэн учился в Пекинской медицинской школе и хорошо знал, что всем приезжим, включая меня, тяжело жить в столице: еда, одежда, жилье и транспорт стоили немалых денег. Хотя мне, совсем еще девушке, только получившей работу, за три с половиной года удалось накопить больше ста тысяч. И это при зарплате в семь-восемь тысяч (пусть и до уплаты налогов).

Я посмеялась и отмахнулась:

– Отделалась от беды деньгами. Украли так украли.

Впервые столкнувшись с грабителями, я очень не хотела отдавать деньги. Но когда увидела, как врач накладывает швы, то вспомнила, что некоторым людям везло меньше и они даже погибали во время таких ограблений. Можно сказать, что я поставила на кон жизнь, когда вцепилась в сумку. Как бы ни важны были деньги, жизнь ценнее. Если подобное повторится, буду вести себя по-другому.

Заметив, что я не притворяюсь, а действительно искренне рада, Ишэн сердито воскликнул:

– Ты слишком добрая!

– Главное достоинство таких людей, как мы, – широта души!

Столкнуться с трудностями уже достаточно неприятно, а если еще и затаить обиду, то страдания обеспечены. Мы с Ишэном не такие.

Друг на мгновение растерялся, но потом с облегчением улыбнулся:

– Сколько денег нужно на ремонт? Могу одолжить. Правда, не больше пятидесяти тысяч.

– Не знаю, когда смогу вернуть долг, – немного подумав, ответила я, – так что займу двадцать. Если дашь слишком много, это будет давить на меня.

– Хорошо.

Цзян Ишэн знал свои возможности и мой характер, поэтому не настаивал. Вдруг он что-то вспомнил и неуверенно проговорил:

– Датоу теперь человек при деньгах...

Я понимающе улыбнулась, но ничего не ответила.

– Цзюйлань, прошу тебя, позаботься о Сяо-Ло. Если что-то понадобится, можешь звонить в любое время. – Друг достал телефон. – Давайте обменяемся номерами.

– У меня нет телефона.

Ишэн остолбенел.

– Цзюйлань потерял его в дороге. Собиралась купить ему другой, да все никак... А теперь и сама лишилась мобильного. С твоей помощью могла бы купить себе новый, но мое удостоверение личности тоже уехало на мотоцикле вместе с сумкой. Можешь помочь хотя бы номер восстановить?

– О'кей. Цзюйлань, дай мне свою ID-карту. Помогу с покупкой телефона.

Мужчина молча взглянул на меня, и я почувствовала укол совести. Мне ведь даже в голову не пришло спросить у него удостоверение личности. Вот что значит неопытный начальник... Смутившись из-за того, что не озаботилась этим раньше, я обратилась к Ишэну:

– Давай сначала разберемся со мной.

– Без проблем! Тогда отдыхай пока. Вернусь позже. – И он торопливо покинул нас.

Мы с Цзюйланем остались вдвоем, но я не решалась заговорить. Конечно, совершенно нормально попросить нового сотрудника показать ID-карту, а вот обращаться с этим вопросом к другу... по меньшей мере странно. Кажется, незаметно для себя я стала считать Цзюйланя другом.

– Если хочешь посмотреть мое удостоверение личности, то у меня его нет.

Он первым нарушил тишину. Его лицо выражало абсолютное спокойствие, как будто речь шла о самых обычных вещах. В душе я была готова услышать это, и все-таки меня кольнуло разочарование. Не знаю почему. Странное чувство. Внезапно пришла мысль о попытках регулировать рождаемость и о незарегистрированных новорожденных, о нелегальных мигрантах, прибывших на остров из Вьетнама и с Филиппин, и о жителях острова, которые незаконно пересекали границу и отправлялись в США и Европу. Лично с такими людьми я не была знакома, но много слышала о них.

– Ты потерял карту или у тебя ее вообще не было?

Прежде чем Цзюйлань нашел что ответить, я поспешно продолжила:

– Нет нужды объяснять. Не особо-то и хочу знать. Просто хорошо выполняй свою работу.

Мужчина даже не пытался скрыть своего равнодушия к проблеме и лишь скромно улыбнулся:

– Если все в порядке, пойду вскипячу воду.

Я беспечно закивала головой, и он отправился на кухню.

Чтобы помочь мне остановить кровь, этот человек оторвал край футболки, поэтому она выглядела немного странно. Я просто сидела и смотрела на него, и спустя какое-то время мое волнение постепенно улеглось. Сейчас у меня есть более насущные проблемы: ремонт начнется уже завтра, а деньги на него украли.

После недолгих раздумий я решила позвонить Ван Тяньлиню с домашнего телефона. Обменявшись приветствиями, я уточнила, готовы ли отделочные материалы. Он радостно ответил, что все купил и уже плывет обратно на остров. Несмотря на срочность, смог нанять хороших мастеров благодаря связям.

В основе его заработка лежит доверие других людей, поэтому я не могла позволить Тяньлиню подорвать это доверие и поставила жирный красный крест на идее отказаться от ремонта. Я призналась ему, что меня ограбили и что переживаю из-за денег. Спросила, возможно ли скорректировать план ремонта: сделать сначала часть, а потом потихоньку доделывать все остальное, по мере того как у меня будут появляться деньги.

По телефону мы договорились отказаться от нескольких идей и сократили бюджет до сорока тысяч юаней. Перед тем как повесить трубку, я несколько раз извинилась и поблагодарила Тяньлиня. А подняв взгляд, увидела в дверях Цзюйланя со стаканом воды в руке. Видимо, он решил позаботиться обо мне заранее, чтобы я поменьше мучилась с такой ногой.

Я вздохнула:

– Когда отделка и ремонт будут готовы, у меня совсем не останется средств.

– Если деньги закончатся, заработаешь их снова, – легко ответил Цзюйлань. – А вот если твоя жизнь оборвется, то все закончится.

Он протянул мне стакан. Меня действительно мучила жажда. Сделав глоток, я почувствовала вкус меда и залпом выпила всю воду. После этого вспомнила нашу первую встречу и улыбнулась, поджав губы.

– Ты сказал, что оказался здесь из-за невезения. – Голос мой звучал тихо. – Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы помочь тебе справиться со всем здесь. Что касается твоего прошлого, пока сам не решишь рассказать, спрашивать не буду.

Он на мгновение задержал на мне взгляд, а затем молча повернулся и ушел, так ничего и не сказав.

* * *

Цзюйлань готовил ужин на кухне. Я же, сучая за столом, тренировалась играть левой рукой на компьютере.

От стука в дверь мое сердце сжалось. С трудом встав, я крикнула:

– Цзюйлань, открой дверь!

Во двор прошли Чжоу Бувэнь и Цзян Ишэн.

– А Сяо-Ло где? – завокнулся Бувэнь. Затем, приметив меня, подлетел к окну и с тревогой спросил: – Ишэн сообщил, что ты повредила руку. Это правда?

Я, поддерживая правую руку левой, показала ему.

– Ничего страшного. Думаю, грабитель не собирался меня ранить. Он хотел отрезать ремешок сумки и просто не рассчитал силу. Мне сказали, поменьше двигать рукой. Может, останется шрам, но это ерунда.

Чжоу Бувэнь осмотрел порез.

– Рад, что все обошлось, иначе бы... Впредь будь осторожнее.

Я кивнула в ответ, а Цзян Ишэн рассмеялся:

– Эй, хватит переговариваться через окно! Датоу, пройди в дом для начала. Сейчас занесу покупки на кухню.

Пошатываясь, я зашла в гостиную.

– А что вы купили?

– Свиные ножки. Тебе нужно пополнить силы! – раздался голос Ишэна из кухни.

Я не удержалась и закатила глаза: и это тот умный человек с высоким IQ, который перескочил через три класса и был первым учеником?..

Едва я медленно приземлилась на диван, Бувэнь вручил мне новый мобильный телефон.
– Мы с Ишэном купили его вместе и смогли сохранить твой старый номер.

– Сколько с меня?

– О деньгах не думай. Это подарок.

Китайский мобильный телефон стоит чуть меньше тысячи юаней, поэтому, немного помявшись, я согласилась.

– Спасибо!

Цзян Ишэн выскочил из кухни и восторженно обратился к Цзюйланю:

– Ты и готовить умеешь! Что там тушится в кастрюле? Пахнет изумительно!

– Ребрышки, – последовал простой ответ.

– Раз вы купили овощей, то оба можете остаться на ужин, – подхватила я. Вчера барбекю оплатил Ишэн, поэтому я как раз собиралась пригласить всех сегодня.

– Ты пострадала, так к чему эти хлопоты? – встрял Бувэнь.

– Это не мои хлопоты, ведь готовит кто-то другой. Верно, «кузен»? – громко произнесла я.

«Кузен» взглянул на Бувэня с лукавой улыбкой. Жаль, что он не смотрел сериалов и не знает, что в семейных конфликтах виноватым всегда оказывается именно брат.

– Для меня нет разницы, на двоих готовить или на пятерых, поэтому поужинаем вместе, – лаконично рассудил он и ушел на кухню.

Пятерых? На мгновение я застыла, но, вспомнив о Чжоу Буянь, торопливо проговорила, обращаясь к Бувэню:

– Чуть не забыла, твоя сестра ведь тоже на острове. Можешь позвонить ей и пригласить к нам.

– Незачем.

Такой ответ меня удивил.

– Почему? Она же должна ужинать, как и все люди. К тому же странно, что мы пригласили тебя, но не ее. Как это выглядит в ее глазах, подумай?

– Датоу, ты поссорился с сестрой? – со странной интонацией спросил Ишэн.

– Нет, просто решил, что не стоит так напрягать вас, – поспешно ответил Бувэнь.

– Тебе же сам шеф-повар сказал, что это не доставит неудобств. Так чего стесняться? – продолжала давить я.

– С этой чрезмерной вежливостью выглядишь как чужак, – добавил Ишэн.

– Ладно, ладно! Слишком церемонюсь, согласен! – криво улыбнулся Бувэнь.

Он набрал номер сестры, сказал несколько слов и закончил разговор.

– Говорит спасибо и обещает заехать позже: сейчас ужинает с кем-то.

Чжоу Буянь вызвала во мне противоречивые чувства: несмотря на то что она родственница Датоу, найти общий язык с ней не получилось, поэтому меня не особенно волновало, приедет она или нет.

Я повернулась к Ишэну:

– Сходи скажи Цзюйланю, чтобы готовил на четверых.

– Сначала, кстати, у меня была мысль попросить маму приходить и помогать тебе с готовкой. Но вижу, проблема уже решена. Сяо-Ло, иди посиди с Датоу, а я помогу Цзюйланю, – закончил он, подмигнув мне с видом знатока.

Как только Ишэн оставил нас с Бувэнем вдвоем, в гостиной повисла тишина. Наконец подобрав тему для разговора, я спросила:

– Когда ты уезжаешь?

– Планировал завтра, но раз с тобой случилась беда, то думаю остаться, пока не поправишься.

– Спасибо, только это всего лишь небольшая рана на руке. Мне не требуется наблюдение. К тому же, хоть это и не совсем удобно, Ишэн всегда рядом, и... мой двоюродный брат тоже. Поэтому можешь возвращаться обратно, как и планировал.

– Тогда я скоро тебя навещу.

– Отлично. Сначала работа, а потом, если появится возможность, приезжай повидать меня и Ишэна.

– У тебя украли столько денег... Все еще полна решимости открыть гостиницу? – перевел тему Бувэнь.

– Да, все в силе. Не беспокойся об этом. Если возникнут какие-то проблемы, обязательно сообщу.

Мрачное лицо Бувэня наконец просветлело.

– Просто помни о моем предложении.

Я улыбнулась и включила телевизор. Даже если вдруг снова повиснет неловкая пауза, это не будет выглядеть странно, пока «ящик» работает. Мы устали в экран, пытаясь при этом поддерживать беседу.

Полчаса спустя Ишэн объявил:

– Все к столу!

Он сам расставил мебель во дворе. Бувэнь, вымыв руки, взялся приносить тарелки. Я тем временем села на плетеный стул, покорно ожидая трапезы.

Ужин состоял из пяти блюд¹⁸: шинкованная морская капуста в соевом соусе, слегка обжаренная капуста кале, жареный в специях желтый горбыль¹⁹, поджаренные в соусе свиные ребрышки и суп с яичными «хлопьями» и морскими водорослями.

Еда была домашней, но выглядела лучше, чем если бы ее приготовили в ресторане. Недолго думая, Бувэнь взял маленький кусочек горбыля, попробовал и мгновенно изменился в лице, не сдержав возгласа удивления.

– Впервые ем настолько вкусного и нежного горбыля.

Затем, съев ребрышко, продолжил сыпать комплиментами:

– Сладкий и тающий, даже глотать не хочется.

– Ну что, не хуже, чем в ресторане, правда? – Я была довольна.

– Цзюйлань, честно, не буду лукавить, но я пробовал много блюд от известных поваров, и твои ничем им не уступают, – похвалил Бувэнь.

Похоже, что Ишэн уже попробовал все на кухне, поэтому от него не было слышно восторженных возгласов, как от Бувэня. Он просто уткнулся в тарелку и пробормотал:

– Сяо-Ло, запиши меня на бесплатное питание здесь в будущем.

Мне польстило, как друзья хвалят Цзюйланя, и я улыбнулась.

– Ешьте-ешьте, если вам так понравилось.

– Ты на нас не смотри, ешь сама, – засмеялся Бувэнь.

Взяв палочки для еды в левую руку, я долго пыталась ухватить кусочек капусты. Наконец у меня это получилось, но, едва поднесла капусту ко рту, она выскользнула и упала на меня. Спешно отложив палочки, я убрала упавшую капусту на угол стола и смущенно вздохнула.

– Неудивительно, что иностранцам сложно научиться пользоваться ими.

Бувэнь собирался было мне помочь, но Цзюйлань уже протер мои руки салфеткой и протянул другую – чтобы почистить одежду. После принес чистую миску и ложку, выбрал ребрышки подходящей формы и положил их передо мной.

– Ешь ложкой.

¹⁸ Ужин из пяти блюд – меню, введенное императором Тай-цзу (династия Мин), чтобы умерить расточительность дворян. Еще его называют «четыре блюда и один суп».

¹⁹ Горбыль – тихоокеанская промысловая рыба.

Попробовав, я поняла, что примерно так и едят обычно дети, только я могла есть самостоятельно.

– Все-все, хватит на меня смотреть, а то как-то неловко. Лучше наслаждайтесь ужином, – усмехнулась я.

Бувэнь и Ишэн спешно отвели взгляд, вернувшись к еде.

Цзюйлань по стечению обстоятельств сидел слева от меня. И свои палочки держал в левой руке, а в правой – палочки для подачи. Время от времени он клал мне в ложку то шинкованные водоросли, то капусту. Кусочки рыбы без костей, тоже с его подачи, оказывались у меня в ложке.

Похоже, он одинаково хорошо владел как левой, так и правой рукой, поскольку и сам орудовал палочками ловко, можно даже сказать элегантно, явно не испытывая никаких неудобств. Мне же благодаря его заботе расхотелось спешить и удалось расслабиться.

Бувэнь и Ишэн, не заботясь о приличиях, просто уставились на Цзюйланя. Я тоже, замедив, наблюдала за ним, машинально отправляя овощи в рот. Только сам он, казалось, не замечал, насколько невероятен, и продолжал невозмутимо есть.

– Ты можешь держать палочки в обеих руках? – не удержался Ишэн.

– Моя левая рука ничем не отличается от правой, – ответил Цзюйлань, не поднимая глаз.

Раз он не придал этому особого значения, то и нам не стоит создавать суету. Мы с Ишэном обменялись взглядами, будто говорящими: «Не обращай внимания, все как обычно», и продолжили трапезу.

После ужина они помогли Цзюйланю вымыть посуду, а потом мы все вчетвером сели во дворе, наслаждаясь беседой на свежем воздухе.

Вчера вечером мы встретились впервые за много лет, так что тем для разговоров скопилось много. Сегодня все полностью расслабились и с пивом в руках болтали обо всем и ни о чем, небрежно откинувшись на спинки стульев. Ишэн даже закинул ноги на высокую спинку другого стула.

Сад купался в лунном свете, дул прохладный ветер, вокруг стрекотали насекомые и было слышно, как шелестят цветы.

Бувэнь оглядел знакомый двор, затем, обратив взгляд на меня и Ишэна, потрясенно сказал:

– Такое ощущение, будто вернулся в детство: все как прежде.

– Кое-что все-таки изменилось. – Ишэн встряхнул пивную банку и покачал указательным пальцем. – Когда были младше, нам ни разу не хватило духу пить так открыто – мы всегда выпивали тайком на рифах у моря!

Раздался дружный смех.

– Я действительно не ожидала, что еще когда-либо соберемся вместе. Такое чувство, будто мы все блуждали по лабиринту и встретились на выходе.

Ишэн пихнул меня, смеясь:

– Цзюйлань, ты знал, что у твоей кухни такая тонкая натура?

Тот едва заметно улыбнулся, ничего не ответив. Видимо, молча принимая ностальгическое настроение окружающих.

Внезапно раздался стук в дверь. Цзюйлань открыл, и вошла Чжоу Буянь с двумя подарочными коробками.

– Сяо-Ло, брат сказал, ты поранилась. Я принесла немного витаминов.

Эти две упаковки ласточкиных гнезд²⁰ мне не по карману, но публичный отказ от них ранил бы чувства Буянь.

– Спасибо тебе.

²⁰ Ласточкины гнезда – популярный в Азии деликатес.

Девушка ненадолго осталась.

– Уже поздно. Завтра утром нам нужно сесть на корабль, так что пора возвращаться в гостиницу, отдохнуть перед дорогой, – засобиравшись Бувэнь.

В будущем нас ждет еще много возможностей встретиться, поэтому я не стала их задерживать. А проводив их, стала наблюдать за Цзюйланем, который убирал во дворе. И тут в дверь снова постучали.

За воротами оказалась Буянь.

– Что-то случилось? Забыла что-нибудь? – торопливо спросила я.

– Нет. То есть да, но не совсем. В общем, брату сказала, что оставила у тебя телефон, но на самом деле хочу поговорить с тобой наедине.

Я смотрела на нее, не впуская в дом, и ждала, пока она продолжит.

– Слышала, у тебя украли шестьдесят тысяч. Твои сбережения весьма ограничены, и гостиницу будет трудно открыть. Раз уж ты близкая подруга Бувэня, позволь мне сказать тебе правду. Я не разделяю вашего оптимизма насчет этой бизнес-идеи. Когда туристы выбирают гостиницу, то их привлекает или уникальный пейзаж, или удобная транспортная развязка. Здесь же нет ни того, ни другого...

– Что ты хочешь сказать? – прервала я ее.

Она уверенно улыбнулась.

– Что мне очень нравится этот старый дом. Прошу, продай его мне. Есть на него документы о праве собственности или нет – без разницы. А цена зависит только от тебя. Если не хочешь продавать, то сдай в аренду. Сниму его только на два года. Дам двести тысяч юаней за каждый, причем разом. Через пару лет верну тебе дом целым и невредимым.

Пытается завалить меня деньгами?.. Я пребывала в растерянности.

– Заманчивое предложение. И очень щедрое. Если бы это был обычный дом, то непременно согласилась бы. Но его оставил мне дедушка, и я не могу ни продать здание, ни сдать в аренду.

– Но у тебя же почти не осталось денег... – взволнованно возразила Буянь.

– У кого-то больше денег, у кого-то меньше. Даже если их недостаточно, гостиницу все равно можно открыть. Госпожа Чжоу, надеюсь, я ясно выразила свои мысли. – Несмотря на вежливую улыбку, мой голос звучал холодно.

Какое-то время она смотрела на меня.

– Надеюсь, в дальнейшем ты не пожалеешь об этом, – с фальшивой улыбкой ответила Буянь. – А если передумаешь, то договориться со мной будет уже не так просто, как сейчас. Для меня четыреста тысяч – не много, но для тебя это весьма серьезная сумма...

– Ты слишком много болтаешь! – раздался рядом со мной голос Цзюйланя, и девушка умолкла.

Я искоса глянула на него, и вся грусть вмиг улетучилась. Чжоу Буянь покраснела от злости и, посмотрев на мужчину, воскликнула:

– Ты!.. О чем ты говоришь?

Тот сделал вид, что не замечает ее. Я же благодаря этой поддержке сделала два шага назад и с легким щелчком закрыла дверь. Все это показалось мне странным, зато он вел себя так, будто ничего не произошло.

– Поднимайся наверх. Я приберу и приду.

Слушая раздраженные возгласы за воротами и наблюдая за Цзюйланем, который уже сосредоточился на работе, я пришла к осознанию, что для человека величайшее унижение – остаться незамеченным.

Поднявшись в спальню, я увидела, что на часах уже девять вечера, и решила последовать совету врача и лечь спать пораньше, чтобы рана скорее заживала. Медленно и неуклюже

я почистила зубы и умылась одной рукой. А выйдя из ванной, заметила Цзюйланта у дверей моей комнаты.

– Ты чего-то хотел?

Мужчина достал пузырек с лекарством и ватный тампон и надел одноразовые медицинские перчатки. В тот же миг меня осенило, что он собирается нанести лекарство. Врач подчеркнул, что мне нужно обрабатывать рану на ноге два раза в сутки – утром и вечером – в течение пяти дней.

– Не стоит, мне ведь не оторвало руки, – пробормотала я.

– Наклонись. – Помощник посмотрел на меня.

Я замерла в нерешительности. Пожалуй, не стоит, ведь только мне известно, как лучше сесть, лечь или встать. Пока не двигалась, все было в порядке. Но даже легкий поворот растянет кожу вокруг раны и вызовет резкую боль. Наносить лекарство одной рукой на ногу точно будет мучительно.

Едва я, стиснув зубы, собралась наклониться, Цзюйланта подошел к кровати и сказал:

– Садись.

Посмотрев в его бесстрастное лицо и вспомнив сегодняшний день, я решила довериться этому человеку и послушно села. Сначала Цзюйланта смочил тампон в дезинфицирующем растворе, после чего протер рану и нанес мазь, рекомендованную Ишэном.

Хотя на нем были медицинские перчатки, их тонкий материал при касании позволял ощутить даже температуру его тела. Эти тонкие и красивые пальцы оказались вовсе не мягкими, а твердыми и сильными. Так что я начала верить, что этими руками он и вправду зарабатывал на жизнь. Удивительно, но Цзюйланта настолько аккуратно наносил мазь, что я совсем не почувствовала боли, а холодные пальцы вдобавок приятно охлаждали кожу.

То ли смутившись из-за долгого молчания, то ли мы молчали от смущения, однако никто из нас не проронил ни слова. В сердце будто поселилось бесчисленное множество муравьев. Меня охватило смятение, и я нарушила тишину:

– Наверное, твои руки такие холодные из-за недостатка ци²¹ и плохого движения крови. Тебе следует больше внимания уделять своему телу и работать поменьше.

Продолжая наносить мазь, Цзюйланта посмотрел на меня. Я растерялась, и между нами вновь повисла тишина.

После обработки раны стало легче, ко мне вернулись силы, и вместо того, чтобы сказать: «Пожалуйста, выйди поскорее», я удовлетворенно поблагодарила его:

– Спасибо! Ложись спать пораньше.

Убрав раствор и мазь, мужчина спокойно произнес:

– Спокойной ночи.

Как только он вышел из комнаты, я без сил упала на кровать, ощущая себя так, будто из тела извлекли все кости. Страх и растерянность от незнания, что делать дальше, все еще сковывали мое сердце.

²¹ Энергия ци (кит. #) – жизненная сила в китайской философии и медицине.

Глава 5. Когда в кого-то влюблен

Радость ежедневного общения, трепет от его присутствия рядом, страх остаться незамеченной – всего этого я волей-неволей не замечала, боясь взглянуть правде в глаза.

Две гостевые комнаты на втором этаже требовали ремонта, и Цзюйлань взялся все вынести из них. Хотя моя комната не настолько нуждалась в отделке, из-за травмы мне с трудом давался подъем по лестнице. К тому же я не хотела чувствовать запах краски, так что мы переехали на первый этаж.

После недолгого обсуждения решение было принято окончательно. Новый «жилец» примирился с тем, что некоторое время придется спать на диване в гостиной. Я же заняла кабинет: дедушка превратил его в спальню. В кабинете стоял платяной шкаф, но не было своей ванной. А значит, мне придется делить гостевую с Цзюйланем. Мы потихоньку переезжали со второго этажа.

В девять часов, минута в минуту, приехал Ван Тяньлинь со строителями. После краткого знакомства он указал рабочим, на что предстоит обратить внимание, и ремонт официально начался.

Ремонт – очень тривиальная и скучная вещь. Несмотря на то что Тяньлинь задействовал самых надежных своих людей, для них это была всего лишь работа ради денег. Что до меня – это мой единственный дом, где немало вещей, о которых нужно позаботиться.

Я не могла двигать правой рукой и пройти больше нескольких шагов, вот и приходилось во всем полагаться на Цзюйланя. К счастью, он прислушался ко мне и начитался разных статей, узнал о ремонте все, поэтому в целом я была рада поручить ему присматривать за процессом.

Мой помощник не отличался тактичностью и сдержанностью в общении с людьми, обычно свойственной таким беднякам. Напротив, вел он себя очень даже надменно, не умел угождать и даже безобидно привирать, чтобы смягчить собеседника. Хотя вместе с тем никогда не делал чего-то во вред себе. Я боялась, что между ним и рабочими возникнут разногласия, потому не раз просила его быть тактичным и не говорить слишком резко в случае, если они сделают что-то не так. Если же слова не помогут, то вместо выговора лучше позвонить Ван Тяньлиню и попросить навести порядок.

К моему удивлению, выяснилось, что нрав Цзюйланя совсем не такой, как я предполагала. Он оказался еще хуже. Этот человек требует совершенства во всем и привык раздавать приказы. Почти каждая его фраза казалась провокационной и оскорбительной, а на окружающих он смотрел как на дураков. Несколько рабочих поругались с ним в первый же день. Не будь я подругой Тяньлиня и в довесок пострадавшей девушкой, вызывающей жалость, думаю, они бы просто ушли, не закончив работу.

Я вспомнила то чувство, когда Цзюйлань сказал, что моя еда ужасна. Поэтому хорошо понимала рабочих. Если так подумать, он не делал ничего плохого. Бригада ведь должна знать, когда работает недостаточно хорошо или даже плохо, правда же? Хоть мой помощник и прямолинеен, но всегда основывается на фактах точно так же, как когда сказал, что мои блюда посредственны в сравнении с его готовкой.

Однако, как бы ни хотелось в глубине души встать на его сторону, сказать, что рабочие плохо знают свое дело, я не могла. Так сложилось, что Цзюйлань носил черную маску, а я – красную²²: он пускал в ход кнут, а я – пряник. С лучезарной улыбкой я попросила простить

²² «Носить черную маску» (кит. ###) – образное выражение, означает выступать в роли жесткого и бескомпромиссного человека. А «носить красную (или белую) маску» (кит. ###) – быть понимающим и стараться найти выгоду для всех.

«невежественного проверяющего» и, чтобы смягчить всеобщее негодование, пообещала угостить всех обедом.

Посвящать его в свой коварный план я не стала, а лишь вручила деньги и сказала, что необходимо приготовить обед для строителей, поэтому нужно купить побольше еды. Цзюйлань заносчив и мало похож на наемный персонал, но когда дело касается работы, то относится к ней со всей серьезностью. Если что-то говорю, он выполняет без лишних вопросов.

Как я и ожидала, он не халтурил, когда готовил для рабочих, и делал все так же, как для меня и моих друзей. Едва строители попробовали его обед, их враждебность тут же испарилась.

Я тихонько посмеялась. Неудивительно, что одна из прекрасных традиций предков – беседовать за столом. По вкусу легко понять чувства того, кто приготовил блюдо. Каким бы холодным и строгим ни казался Цзюйлань на первый взгляд, он всегда открыт и говорит без обиняков. Рабочие же в силу профессии общаются со многими людьми и судят о них по-своему.

В общем, их неприязнь к Цзюйланю прошла, хотя нельзя сказать, что мужчины прониклись к нему симпатией. После разнообразных и вкусных обедов теперь, что бы ни сказал мой помощник, его внимательно слушали. Он не придирался к ошибкам просто так – все замечания были разумными, а предложения говорили о его глубоком понимании рабочего процесса.

Даже если мастера жаловались, что «болтать – не мешки ворочать», Цзюйлань наглядно показывал, как добиться желаемого, чем изрядно их удивлял. А в хорошем настроении они и работали старательнее. Ремонт шел гладко, и меня это радовало.

Спустя некоторое время отношение к Цзюйланю стало еще лучше. Иногда его хвалили в моем присутствии, и каждый раз я всем видом показывала: «Так и должно быть». На самом же деле я была поражена не меньше работников. Как так получилось, что после прочтения пары статей в интернете он понял все тонкости? Единственное объяснение этому: у него есть опыт в строительстве и ремонте.

Стирает, готовит, разбирается в медицине и строительстве... Стирать – это еще ладно, но ведь вдобавок он готовит лучше поваров в пятизвездочных отелях, определяет характер травм и оказывает первую помощь не хуже профессионального врача, умеет укладывать камень и искусен в столярном деле... Десятки различных мастеров сошлись в одном человеке. На что еще способен этот человек?

* * *

Ремонт шел только на втором этаже, но все звуки рабочего процесса долетали до первого. К счастью, кухня была большой отдельной комнатой, поэтому я отдыхала там. Одно из окон выходило во двор, а другое – на стену, покрытую пышно цветущей бугенвиллеей. Можно придвинуть стул к окну и на время развлечь себя музыкой или чтением.

Сидя в наушниках и слушая МРЗ-плеер, я читала книгу из коллекции дедушки – «Оценку танской поэзии», выпущенную издательским домом «Шанхайский словарь». Она всегда стояла тут, сколько себя помню.

В те времена дедушка каждый день после обеда просил меня прочитать ему стихи, и я учила по одному произведению в неделю. Изначально воспринимала это как обязанность и выполняла с большой неохотой. Но с годами постепенно вошла во вкус и поняла, что имел в виду дедушка, говоря: «Эту книгу я не дочитаю до конца жизни». Каждое стихотворение отражает дух своего времени и служит источником крылатых выражений. Достаточно вникнуть в отдельные работы – и они оставят неизгладимое впечатление.

Когда у меня есть свободное время, я открываю наугад страницу и читаю стихотворения одно за другим. Истина и ложь, успех и неудача, радость и печаль – эти понятия находятся вне

времени. Чем больше погружаюсь в эту книгу, тем сильнее ощущаю легкость в душе и свободу от оков лжи.

Дочитав страницу, я попыталась перевернуть, но чья-то рука сделала это за меня. Оказалось, рядом тихо сидел Цзюйлань. Я вытащила один наушник.

– Все в порядке. Мне пока под силу переворачивать страницы.

Цзюйлань заглянул в книгу.

– Ничего страшного, я тоже смотрю, – небрежно ответил он.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять его мысль.

– Имеешь в виду, что хочешь почитать со мной?

– Ага.

Ладно, если бы это был роман о боевых искусствах или фэнтези, но это поэзия Тан, которую далеко не все выпускники университетов стали бы читать для развлечения. Не удержавшись, я посмотрела на Цзюйланя. Он, вздыхая, внимательно читал, а в глазах его мелькало сожаление. Нужно чувствовать душой, чтобы понять смысл прочитанного.

«Смотрю на мир глазами собаки»²³, – отругала я себя. – Лауреат Нобелевской премии Мо Янь даже начальную школу не окончил!»

Пододвинув книгу к Цзюйланю, я посмотрела на страницы и увидела там стихотворение Ван Вэя²⁴:

Зеленеет сосна на высокой горе —
Как давно я не видел ее!
Я не вижу тебя,
Но я помню тебя
И храню в своем сердце.
Благороден твой цвет,
И высок тонкий стан,
Из палат облаков выплываешь²⁵.

Прочитав его, Цзюйлань долго не переворачивал лист. Я несколько раз украдкой смотрела на него, но он ничего не замечал и продолжал в оцепенении буравить книгу взглядом. Мне стало любопытно, поэтому я с волнением прочитала текст еще раз и заговорила:

– Это стихотворение описывает сосну, хотя на самом деле оно о людях. Подобным образом Цюй Юань²⁶ описывал благородных мужей, используя образы ароматных трав. В исторических записях о Ван Вэе написано: «Молод и невинен, с великолепными манерами. Одарен в музыке и играет на пипе²⁷». Этот человек, обладающий выдающимся литературным талантом, восхвалял другого, говоря: «Цвет сосен возвышает и освобождает, высоко вздымаясь в плывущих облаках». Но я не понимаю, что за человек скрывается за «зеленой сосной».

Мужчина слегка улыбнулся:

– Ты правда собираешься разбирать хвалебные речи Мо Цзэ?

В его словах было что-то странное, только мне никак не удавалось понять, что именно. Цзюйлань и выглядел немного странно: не холодным и надменным, как обычно. С легкой улыб-

²³ «Смотреть на мир глазами собаки» (кит. #####) – образное выражение, означает определять свое отношение к людям в зависимости от их социального положения, т. е. быть снобом.

²⁴ Ван Вэй (кит. ##) – китайский поэт, живописец, каллиграф и музыкант времен династии Тан (VIII век н. э.). Также известен как Мо Цзе (кит. ##).

²⁵ Стихотворение поэта Ван Вэя «Песнь о сосне из округа Новая Цинь», перевод К. Назаровой.

²⁶ Цюй Юань (кит. ##) – первый известный лирический поэт в истории Китая эпохи Воюющих Царств.

²⁷ Пипа (кит. ##) – музыкальный инструмент, схожий с лютней.

кой он, тихо вздыхая и скользя пальцами по страницам, казался живым воплощением поговорки «Слова не нужны для дел былых».

От его вздоха мне стало невообразимо грустно, и захотелось помочь ему развеять печаль.

– Хочешь, музыку послушаем? – осторожно спросила я.

– Музыку? – Цзюйлань на мгновение растерялся, но тут же заметил плеер в моей руке.

Поначалу его отстраненный и полный спокойствия вид пугал меня, но сейчас... Я окинула его взглядом и сразу поняла, что этот парень, которого ни в коем случае нельзя недооценивать, не умеет пользоваться плеером. Передав один наушник, я жестом показала, что с ним делать.

Цзюйлань покрутил его в руках, а затем медленно вставил в ухо. На его лице впервые появилось удивленно-радостное выражение.

– Нравится? – тихонько спросила я.

Он с улыбкой кивнул.

– Песня называется «Летняя ночь, звездное небо и море». Мне она тоже очень нравится.

Мы сидели бок о бок у кухонного окна, каждый с наушником, вместе слушали музыку и читали книгу. Звуки ремонта снаружи были шумными и резкими, зато маленький мир здесь хранил солнечный свет и тепло. Снаружи ярко пестрели цветы, и мне показалось, что так и должна ощущаться гармония.

* * *

Вечером, когда строители закончили работу, стало очень тихо. Цзюйлань и я – один из нас еще плохо знаком с домом, а другой с трудом передвигается – сидели на диване и смотрели телевизор. Мы уже поужинали и приняли душ. Я передала ему пульт и попросила выбрать канал. Он очень заинтересовался передачей «В мире животных».

Я сама редко смотрю подобные передачи, считая их скучными. Ровно до того момента, пока не попадаю на одну из них и с головой не погружаюсь в сюжет. Все-таки очень интересно наблюдать жизнь в дикой природе, борьбу между хищниками и добычей, жестокую и беспощадную, но в то же время волнующую и трогательную.

Этот выпуск был посвящен львам и слонам, живущим в африканской саванне. По словам ведущего, львы редко нападают на слонов, ибо последние – это вам не зебры и антилопы, и нападение на них обойдется дорого. Вдобавок мясо слона есть гораздо труднее, чем мясо той же зебры, – оно практически несъедобно. Можно сказать, что совместное существование львиного прайда и стада слонов можно описать как «колодезная вода речной не помеха»²⁸.

На этот раз из-за нехватки пропитания группа голодных львов все-таки решила поохотиться на слонов, выбрав жертвой детеныша. Чтобы защитить его, взрослые слоны образовали вокруг живой щит из собственных тел – это позволило противостоять острым когтям львов. Эти смелые животные оказались готовы противостоять даже хитрым и свирепым хищникам, отчего все попытки львов напасть провалились, а некоторые из них были еще и ранены. Но перед лицом голодной смерти кошачьим снова пришлось идти в атаку. Судя по их физическому состоянию, этот бой мог стать для них последним. И если уж новое нападение не увенчается успехом, львам останется только смиренно ждать смерти. Ведь на африканских пастбищах выживание зависит от физических сил, а их у прайда на следующую охоту уже не хватит.

Сотни километров погони, несколько дней и ночей преследования – и ни одна из сторон не может уступить, ведь отступление равно смерти. Я так волновалась, наблюдая за ними, и

²⁸ «Колодезная вода речной не помеха» (ит. #####) – образное выражение, означает, что каждый живет своей жизнью, или идет своей дорогой.

не знала, кто победит. Если слон не умрет, то погибнет лев. Оба животных внушают уважение в своей борьбе за выживание.

После ожесточенного боя львы смогли не только забрать слоненка, но и повалить взрослую особь. После прайд с победным ревом убежал. Наевшись мяса, выжившие львы лениво растянулись на земле, равнодушно глядя на восходящее солнце. В глазах у них не было ни печали от такой жизни, ни радости победы. Для них просто закончился один день и начался другой. Обычная жизнь в дикой природе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.